

ISSN 2072-8530

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**Философские
науки**

СИСТЕМНОЕ
В ИСТОРИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

СВОБОДА И ДЕТЕРМИНИЗМ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ

ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ

2014 / № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530

Серия

2014 / №1

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

2014 / №1

Series

ISSN 2072-8530

PHILOSOPHY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник МГОУ»: Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»

Хроменков П.Н. — к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Никитин О.В. — д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)

Абрамов А.В. — к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»

Асмолов А.Г. — академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Белозеров В.Е. — д.ф.-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)

Боголюбов Л.Н. — академик РАО, д.пед.н., проф.

Клычников В.М. — к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ

Затулин К.Ф. — директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)

Коничев А.С. — д.б.н., проф. МГОУ

Лекант П.А. — д.филол.н., проф. МГОУ

Марченко М.Н. — д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова

Нелюбин Л.Л. — д.филол.н., проф. МГОУ

Ницевич В.Ф. — д.пол.н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Пасечник В.В. — д.пед.н., проф. МГОУ

Поляков Ю.М. — канд. филол. н., гл. ред. «Литературной газеты»

Пусько В.С. — д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана

Ху Гумин — д.филол.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

Редакционная коллегия серии «Философские науки»

Ответственный редактор серии:

Песоцкий В.А., доктор философских наук, профессор

Заместитель ответственного редактора:

Загребин М.В., кандидат философских наук, доцент

Ответственный секретарь:

Картавцев В.В., кандидат философских наук

Члены редакционной коллегии:

Бондарева Я.В., доктор философских наук, доцент (Академия повышения квалификации и профессиональной подготовки работников образования, г. Москва); **Кокорин А.А.**, доктор философских наук, профессор; **Бузук Г.Л.**, доктор философских наук, профессор; **Демина Л.А.**, доктор философских наук, профессор (Московская финансово-юридическая академия им. О. Е. Кутафина); **Макеев С.В.**, доктор философских наук, профессор, (Адыгейский государственный университет, г. Майкоп); **Беркут В.П.**, доктор философских наук, профессор (Военный технический университет, г. Балашиха); **Шульц В.Л.**, доктор философских наук, профессор (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва); **Алан Картер**, Почетный профессор (Университет Глазго (Шотландия); **Джеймс Ленман**, профессор (Университет Шеффилда, Англия)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98

тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

ISSN 2072-8379

Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». — 2014. — № 1. — М.: ИИУ МГОУ. — 82 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26302

Индекс серии «Философские науки»

по каталогу агентства «Роспечать» 36759

© МГОУ, 2014.

© ИИУ МГОУ, 2014.

The founder of journal «Bulletin of the MSRU»: Moscow State Regional University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Linguistics»

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor of Philology, Professor

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirona – Doctor of Philology, Professor

Executive secretary of the series:

O.I. Maximenko – Doctor of Philology, Professor

Members of Editorial Board:

M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor;

I.V. Skuratov – Doctor of Philology, Professor;

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor;

N.G. Yepifantseva – Doctor of Philology, Professor;

G.I. Tugolukova – Ph. D. in Philology, Professor;

S.V. Grinev-Grinevich – Doctor of Philology, Professor (Bialystok University, Poland);

Pang Gyo-Youn – Doctor of Philology, Professor (Hankuk University of Foreign Studies, Korea);

Heribert Picht – Doctor of Philology, Professor (Denmark)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10a Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru;

Site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the MSRU»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (Chairman of the Council)

O.V. Nikitin – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (Deputy Chairman of the Council)

A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University

A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University

B.E. Belozеров – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)

L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU

K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)

A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU

P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University

L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU

V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Head of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"

V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University

Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhan University (China)

ISSN 2072-8530

Bulletin of the MSRU. Series «Philosophy». – 2014. – № 1. – M.: MSRU Publishing house. – 82 p.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИИ № 077-26302

Index series «History and Political Sciences» under «Rospechat» agency catalog 36759

© MSRU, 2014.

© MSRU Publishing house, 2014.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

Удальцов В.Г. К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОМ В ИСТОРИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ..... 6

РАЗДЕЛ II.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

<i>Киселев В.И.</i> НАЛОГ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ СИСТЕМЫ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	14
<i>Кондраченко Г.Г.</i> АНТИКОРРУПЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	23
<i>Лутфуллин Д.Ф.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИЙ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ДРЕВНЕМ МИРЕ	30
<i>Петров А.В.</i> ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ И РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ ...	37

РАЗДЕЛ III.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

<i>Бондарева Я.В.</i> ОТЕЧЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: АНТИНОМИЯ СВОБОДЫ И ДЕТЕРМИНИЗМА	47
<i>Курабцев В.Л.</i> ВОПРОС О ЧИСТОТЕ И ПРАВЕДНОСТИ.....	54
<i>Фурсова В.Э.</i> РАЗВИТИЕ ИДЕИ ДУШЕВНО-ТЕЛЕСНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ XI – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА	63

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Диссертационный совет Д 212.155.08 по философским наукам в 2013 году	70
<i>Коробов А.Ю.</i> ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ	75
<i>Наши авторы</i>	80

CONTENTS

SECTION I.

QUESTIONS OF ONTOLOGY AND KNOWLEDGE THEORIES

V. Udaltsov. TOWARDS THE ISSUE OF SYSTEMATIC CHARACTER OF HISTORICAL PHENOMENA.....	6
--	---

SECTION II.

QUESTIONS OF SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHICAL PROBLEMATICS SOCIALLY-HUMANITIES

V. Kiselev. TAX AS A SOCIO-PHILOSOPHICAL CATEGORY OF THE SYSTEM OF COLLABORATION	15
G. Kondratenko. ANTICORRUPTION COMPONENT OF ADMINISTRATIVE MANAGEMENT	23
D. Lutfullin. THE HISTORY OF ANCIENT WORLD POLITICAL DECISION MAKING THEORIES DEVELOPMENT	30
A. Petrov. THE PROBLEMS OF ETHNIC MIGRANTS' SOCIO-CULTURAL ADAPTATION AND THE ROLE OF EDUCATION IN THIS PROCESS	37

SECTION III.

QUESTIONS OF HISTORY OF PHILOSOPHY AND HISTORY OF OTHER PHILOSOPHICAL DISCIPLINES

Y. Bondareva. RUSSIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY: ANTINOMY OF FREEDOM AND DETERMINISM.....	47
V. Kurabtsev. THE ISSUE OF PURITY AND RIGHTEOUSNESS.....	54
V. Fursova. THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF SPIRITUAL AND PHYSICAL INTEGRITY IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE 11 TH – MID 19 TH CENTURIES.....	63

THE SCIENTIFIC LIFE

Dissertation Committee in Philosophy D. 212.155.08 in 2013	70
A. Korobov. PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND LANGUAGE OF PHILOSOPHY	75
Our authors	80

РАЗДЕЛ I. ВОПРОСЫ ОНТОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ

УДК 94:1

Удальцов В.Г.

Счётная палата Российской Федерации (г. Москва)

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОМ В ИСТОРИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ

Аннотация. В статье предпринята попытка с опорой на методологические возможности общенаучной категории «система» определить суть исторического явления-системы. С этой целью рассмотрены имеющиеся трактовки понятия «система», определены их положительные стороны и неточности. На основе их анализа выявлены содержательно-сущностные признаки системы, которые затем экстраполированы на исторические явления. Показана необходимость применения в историческом исследовании приёма философского анализа, который формируется на базе содержания категории «система».

Ключевые слова: система, содержательно-сущностные признаки системы, философский анализ, историческое явление-система.

V. Udaltsov

The Accounts Chamber of Russian Federation, Moscow

TOWARDS THE ISSUE OF SYSTEMATIC CHARACTER OF HISTORICAL PHENOMENA

Abstract. Based on the methodological capacities of a cross-scientific category “system” the author of the article attempts at determining the nature of a historical phenomenon as a system. The existing interpretations of the notion “system” are considered and their strengths and weaknesses are revealed. The identified essential features of the system are further extrapolated on historical phenomena. The author stresses the necessity of applying this kind of philosophical analysis to historical research.

Key words: system, content essential features of the system, philosophical analysis, historical phenomenon as a system.

Объективной основой обращения к вопросу о системном и бессистемном в истории является то, что естественная и общественная реальность, а значит – и историческая реальность общественного развития, не состоит из отдельных и изолированных предметов, явлений и процессов, а представляет собой совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих объектов, определённые целостные, системные образования.

Исходным в выделении таких образований является понятие системы. Очевидно, что опираясь на него, экстраполируя методологические возможности общенаучной категории «система» на то или иное историческое явление, можно прийти к выводу о его системном или несистемном состоянии, о том, действительно ли ему присущи все признаки системы, или нет. Однако, как ни тавтологично это звучит, очевидное в этом случае не совсем очевидно. Все обстоит далеко не так просто. Дело в том, что существующие подходы к выделению признаков системы, к определению сути явления-системы содержат немало разночтений.

И это не случайно. Сама сложность и многообразие систем объективной реальности обуславливают и множественность существующих её определений. Среди них в науке, по нашему мнению, встречаются и несколько **упрощённые трактовки** этого общенаучного понятия, его признаков. В наиболее общем плане их проявления можно представить следующим образом.

Во-первых, нередко систему представляют как совокупность взаимодействующих, взаимосвязанных элементов. Данный взгляд на систему имеет некоторое распространение в специ-

альной научной литературе, в том числе и в исторической. В этом плане можно привести в качестве примеров, демонстрирующих подобное понимание сути системности явлений, ряд следующих цитат: «Система – объект, процесс, в котором участвующие элементы связаны некоторыми связями и отношениями» [5]; «Мир-систему можно определить как обладающую системными характеристиками предельную совокупность социумов, заметным образом прямо или непосредственно связанных между собой» [1]; «Система есть совокупность объектов и связей между ними» [4, с. 73-94, 161-188].

Во-вторых, чуть дальше продемонстрированного подхода к пониманию сути системы идут те исследователи, которые представляют её как явление, характеризующее не только взаимодействием составляющих его элементов, но и наличием у него определённой целостности. Такой точки зрения придерживаются многие специалисты, в том числе и среди историков. В частности, А.В. Игнатьева даёт следующее определение: «Система (systema) – греческое слово, буквально означает целое, составленное из частей; упорядоченное определённым образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих целостное единство» [3]. Фактически эта же позиция отстаивается и в статье «Системный подход и анализ в исторических исследованиях», где отмечается: «Системный подход – направление методологии исследования, в основе которого лежит рассмотрение объекта как целостного множества элементов в совокупности отношений и связей между ними, то есть рассмотрение объекта как системы» [9]. Эту пози-

цию разделяет и упомянутый выше В.М. Казиев [5], который в предложенное им ранее определение системы почему-то не ввёл признак целостности, а затем расширил и дополнил сформулированную им первоначально дефиницию *системы*: «Система – множество связанных друг с другом элементов некоторого вполне определённого множества (некоторых определённых множеств), образующих целостный объект при условии задания для этих объектов и отношений между ними некоторой цели и некоторых ресурсов для достижения этой цели» [5].

В-третьих, ещё дальше идут в понимании явлений-систем те исследователи, которые не ограничиваются двумя их сущностными признаками. Они добавляют к ним ещё те или другие сущностные признаки системного явления. В частности, так подходит к трактовке системы академик И.Д. Ковальченко, который утверждает: «Система представляет собой такую целостную совокупность элементов реальности, взаимодействие которых обуславливает возникновение у этой совокупности новых интегративных качеств, не присущих её элементам» [6, с. 173-174]. Свою редакцию определения системы с добавлением уже другого сущностного признака предлагают Г.Н. Шапошников и И.В. Айрапетова: «Общество в историческом развитии рассматривается как сверхсложная саморегулирующаяся система с многообразными связями, которые постоянно меняются, но при этом остаются целостной системой, имеющей определённую структуру» [10, с. 31].

В-четвёртых, хотелось бы обратить внимание и ещё на одну точку зрения, согласно которой под *системой* следует

подразумевать упорядоченное множество взаимосвязанных элементов, образующих некоторое целостное единство, где энергия связей между элементами системы превышает энергию их связей с элементами других систем [2].

Словом, повторяем, определений категории «система» в научной и учебной литературе встречается немало. В каждом из них, в том числе и в приведённых выше, этот феномен рассматривается под своим определённым ракурсом. Данное обстоятельство, безусловно, нисколько не отменяет их права на существование. Вместе с тем это и не означает, что следует оставлять без какого-либо реагирования наличие в указанных здесь определениях некоторых, на наш взгляд, **неточностей** в трактовках сути систем.

О чём идёт речь? Первое, на что хотелось бы обратить внимание, – определения системы как совокупности взаимодействующих, взаимосвязанных элементов. Такая трактовка, скорее всего, вытекает из работ австрийского биолога и философа Л. фон Берталанфи, который выдвинул одну из первых в западной литературе версий общей теории систем. Безусловно, этот подход в целом верен, ибо именно наличием связей система точно так же отличается от конгломерата, где всё механически перемешано, как сруб – от груды брёвен. Но вместе с тем нельзя не отметить и то, что из взаимодействующих элементов состоят ведь и все без исключения явления действительности. Иначе говоря, получается, что каждое явление окружающего нас мира есть система, поскольку оно представляет из себя упорядоченное множество взаимосвязанных компонентов. Значит, понятия «явление»,

«феномен» и «система» тождественны. Можно ли в таком случае как-то выделить специфику системных явлений, отделить их от бессистемных феноменов, которые, по нашему убеждению, также существуют и отличаются от первых по своему качеству? Ответ напрашивается сам собой. Наверное, это трудно. Поэтому подобное определение вряд ли можно считать полным, завершённым. Для этого, как мы убедились, нет оснований.

Второе. Нет достаточных оснований в этом плане и для того, чтобы, обнаружив в составе феномена некий элемент-систему, сделать вывод о системном состоянии всего явления. Если в его состав входит только один такой элемент-система или даже несколько, а остальные элементы остаются бессистемными, то это отнюдь не означает, что само явление есть система. Это далеко не так. Оно при этом не может не оставаться бессистемным. Поэтому нередко ошибаются те, кто делает вывод о системном характере, допустим, военной политики какого-либо древнегреческого полиса на том лишь основании, что в нём существовала система оповещения о приближении неприятеля к стенам города, система сбора ополчения, а также система охраны правителя и только. А то, что военное обучение боеспособного населения велось от случая к случаю, его вооружение оставляло желать лучшего, моральный дух был низок и т. д., во внимание не принимается.

Третье. Нельзя считать аргументом, говорящим в пользу системного качества феномена, то обстоятельство, когда к совокупности составляющих его взаимосвязанных элементов просто добавляется только целостность

явления. Да, эта целостность выступает одной из важнейших сущностных характеристик систем. Однако, подчеркнём это, – *одной, но не единственной*. Поэтому целостности явлений недостаточно для доказательства их системности.

Четвёртое. Недостаточно для вывода о том, что явления есть системы, и наличия у них только интегральных связей между образующими их элементами. Эти связи, как и целостность явлений, тоже выступают признаком их системного качества. Но опять же – *одним из признаков*.

Не преодолев эти и другие ошибочные трактовки, упрощённые подходы и неточности, довольно непросто решить в полной мере задачи исследования, касающиеся определения системного состояния явлений и процессов, в том числе исторических. Очевидно, их нельзя решить и без глубокого понимания содержательно-сущностных признаков систем. Только исходя из понимания этих признаков и их экстраполяции на то или иное историческое явление, можно получить наиболее чёткий и обоснованный ответ на вопрос о его системности.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению признаков, присущих явлениям-системам, включая исторические, следует сделать ряд философских, то есть **общеметодологических замечаний**, связанных и с рассмотренными выше моментами.

Замечание первое. В любом явлении, даже если оно бессистемное, можно обнаружить хотя бы один элемент-систему. Именно такие элементы, прежде всего, и детерминируют движение явлений к системному состоянию.

Замечание второе. Оно вытекает из первого и заключается в признании того, что любое явление имеет основание стать системой, то есть достичь особого гармоничного состояния. Однако не все феномены в процессе своего развития становятся системами. Если бы это было не так и все они приобретали системное состояние, то мир наш был бы образцом гармонии. Но этого, к сожалению, не происходит. Реальная картина заключается в том, что определённые феномены обретают системное качество, в то время как другие явления его не достигают.

Замечание третье. Не достигает, в частности, полноценного системного состояния даже тот феномен, в котором все составляющие его элементы являются системами, но хотя бы один из них ею не оказывается.

Замечание четвёртое. Ставшее системой явление обретает особое качество устойчивости, совершенства и эффективной функциональности.

Замечание пятое. То, что все системы представляют собой совокупности взаимосвязанных элементов, не вызывает сомнения. Поэтому данное обстоятельство следует отнести к основанию образования системы. Вместе с тем, это основание не является единственным, и его наличие нельзя считать достаточным для вывода о том, что изучаемый нами феномен есть система.

С учётом сделанных замечаний можно перейти к рассмотрению **содержательно-сущностных признаков систем**, которые определены философской наукой в последние десятилетия. Если их, эти сущностные признаки явлений-систем, сравнить с бессистемными феноменами, то можно, как нам

представляется, заявить о следующих позициях.

Первая позиция. Одним из важных признаков системы являются присущие ей уникальные способы взаимодействий элементов, определяющие процессы их функционирования в интересах целого – системы. Иначе говоря, элементы систем вступают в действие, как компоненты хорошо отлаженного механизма, то есть по необходимости, в определённой последовательности и тогда, когда это нужно. Это и предопределено способами их связей друг с другом, их взаимосвязанностью, что и делает их целостным, единым феноменом.

Вторая позиция. К другому признаку системы можно отнести то, что любое явление, достигшее системного состояния, представляет собой целостное, сформировавшееся образование. Однако, говоря о целостности, следует иметь в виду и вопрос членимости целого на части. Упомянутое образование, как «сложносоставное» явление, отличается гетерогенностью строения, то есть состоит из совокупности некоторого множества взаимосвязанных, опосредующих друг друга и своё целое автономных частей, элементов.

Довольно часто эти элементы могут быть разнокачественными, но при этом совместимыми друг с другом. Эта совместимость, указывающая на организованный характер той множественности элементов, которые составляют феномен, обусловлена действием вполне определённого упорядочивающего фактора. Таковым выступает причастность каждого из элементов к получению какого-либо определённого для конкретного феномена качества. Эта причастность и

делает возможным поддерживать упорядоченность всей множественности составляющих систему элементов и их совместимость.

Словом, каждое явление-система, как целостное образование, есть упорядоченная совокупность всех необходимых и совместимых друг с другом элементов. Их взаимодействие обеспечивают данному образованию некую относительную устойчивость и завершённость. О последнем свойстве, характеризующем целостность явления, свидетельствует отсутствие необходимости введения в его содержание каких-либо новых элементов. О свойстве же устойчивости, выражающем целостность феномена, говорит его способность нормально функционировать при любых возмущениях среды в данный момент и в данной ситуации. Важным свойством явления, отражающим его целостность, выступает также и относительная отграниченность его от других явлений, противопоставленность им. Это свойство обусловлено спецификой, уникальностью самого феномена, который обладает качественной определёённостью, способностью быть самостоятельным явлением, отличным от других явлений мира.

Третья позиция. Отличительным признаком системы является наличие между образующими её элементами цепких связей, то есть связей более прочных, более сильных и органичных, чем их связи с другими образованиями, с элементами других феноменов.

Они, эти связи между образующими систему элементами, настолько прочны, что разорвать их каким-то случайным действием просто невоз-

можно. Другими словами, каждый элемент системы не просто взаимодействует с каждым другим – они находятся в состоянии связи. Если эта связь разрушается, то система прекращает своё существование.

Четвёртая позиция. Особая прочность связей элементов между образующими систему элементами формирует ещё один её содержательно-сущностный признак. Это наличие у системы интегральных свойств, не сводимых к сумме свойств образующих её элементов и не свойственных каждому из них в отдельности. Эта позиция, с одной стороны, отражает объективное свойство явлений реальности, состоящее в том, что в процессе их взаимодействия возникают новые качества, присущие совокупности объектов как целому и не свойственные отдельным исходным объектам взаимодействия. С другой стороны – выражает отличие системы от такого сочетания элементов, которое образует лишь простую их сумму и не создаёт новых свойств (как, например, куча камней).

Целое больше суммы входящих в него частей. Эту максиму сформулировали ещё древние мыслители, которые отмечали тот кардинальный факт, что всякое целое обнаруживает некий прирост качеств и закономерностей по сравнению с исходными, даёт некий интегральный эффект. Один из примеров такого «прироста качеств», такого «интегрального эффекта» дал К. Маркс, который писал по этому поводу: «Подобно тому как сила нападения эскадрона кавалерии или сила сопротивления полка пехоты существенно отличны от суммы тех сил нападения и сопротивления, которые

способны развить отдельные кавалеристы и пехотинцы, точно так же и механическая сумма сил отдельных рабочих отлична от той общественной силы, которая развивается, когда много рук участвует одновременно в выполнении одной и той же нераздельной операции, когда, например, требуется поднять тяжесть, вертеть ворот, убрать с дороги препятствие» [8, с. 337]. В качестве другого примера в данном отношении можно привести способность самолёта летать. Это его интегральное свойство, которое существенно отличается от свойств каждого из «образующих» его элементов – двигателя, фюзеляжа, шасси и т. д.

Словом, системная целостность не сводится к сумме свойств образующих её частей, оказывается «больше» её – больше на те интегральные свойства, которые присущи целому, но отсутствуют у его частей.

Пятая позиция. Система, в силу вышеназванных обстоятельств, обладает и таким содержательно-сущностным признаком, как саморегуляция. В чём эта способность системы к саморегулированию находит своё проявление? Во-первых, в способности элементов, входящих в систему, взаимодополнять друг друга, усиливать возможности друг друга. Во-вторых, в том, что у элементов, формирующих систему, появляется возможность изменять способы связи между собой, не теряя при этом системного качества, целостности. В-третьих, в усилении функциональных возможностей элементов на базе связи с другими элементами системы. В-четвёртых, в возможностях системы адаптироваться к новым условиям, в которых она должна эффективно функционировать. При

этом, благодаря своим внутренним возможностям система может, в определённых, конечно, пределах, демпфировать деструктивные воздействия на неё других явлений среды. Следует ещё добавить к сказанному, что у каждого феномена-системы имеются свои возможности в плане саморегуляции.

Конечно, предложенный в данной работе перечень содержательно-сущностных признаков систем не претендует на какую-то абсолютную полноту и завершённость. Он открыт и, несомненно, будет пополняться по мере развития научных знаний и открытия новых сущностных признаков явлений-систем. Тем не менее, сегодня из приведённых выше в виде ряда позиций рассуждений следует вывод о правомерности того подхода к содержанию категории «система», который был сделан профессором А.А. Кокориным. Давая определение этому общенаучному понятию, он пишет: «Система – это общенаучная категория, отражающая целостное явление, обладающее более прочными, чем внешние, внутренними связями элементов, имеющее интегральные свойства, не сводимые к свойствам элементов, его образующих, способное к саморегуляции» [7, с. 39].

Содержащиеся в этом определении сущностные признаки системы самым естественным образом «накладываются» на феномен истории. Экстраполируя их на то или иное историческое явление, можно утверждать, что мы имеем право квалифицировать его как систему в том случае, если ему присущи вышеназванные признаки. Если их интегрировать, то можно предложить следующее определение исторического явления как системы. **Историческое явление-система – это целостное образование, между элементами кото-**

рого существуют более прочные связи, чем их связи с элементами других явлений, обладающее интегральными свойствами, не сводимыми к свойствам образующих систему элементов, имеющее свои специфические способы их связи, обеспечивающие гармонизацию функционирования элементов в его рамках, способное к саморегуляции.

Пользуясь методологическими возможностями приёма философского анализа, который формируется на базе содержания категории «система», можно методологически точно решать задачу определения того, является ли тот или иной исторический феномен системой, для чего необходимо убедиться в том, что ему присущи все признаки системы.

Это позволит выделить из всей совокупности элементов анализируемого исторического процесса те, которые обрели системное качество. Данное действие имеет большое значение для исследования истории, ибо исторические явления-системы наиболее совершенны, несут особо важную информацию об анализируемых феноменах, процессах.

Кроме того, как убеждает практика, исторические феномены-системы наиболее эффективно функционируют, более интенсивно воздействуют на познаваемое, чем те, которые не достигли системного качества. И это также необходимо учитывать каждому познающему исторический процесс субъекту.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гринин Л.Е. Истоки глобализации: мир-системный анализ. [Электронный ресурс]. – URL: www.perspektivy.info (дата обращения: 10.02.2014).
2. Дудко В.М. Информационная безопасность как системный феномен // Вестник Академии военных наук. – 2007. – №3. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.naukaxxi.ru/materials/47/> (дата обращения: 10.02.2014).
3. Игнатьева А.В. Исследование систем управления. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 157 с.
4. Историческая информатика: Учебное пособие / Под ред. В.Н. Сидорцова, Л.И. Бородинкина. – Минск: Веды, 1998. – 316 с.
5. Казиев В.М. Введение в системный анализ и моделирование. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bigc.ru> (дата обращения: 10.02.2014).
6. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 468 с.
7. Кокорин А.А. Философия и мировоззрение. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – 224 с.
8. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955-1981. – Т. 23.
9. Системный подход и анализ в исторических исследованиях. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.zadachi.org.ru> (дата обращения: 10.02.2014).
10. Шапошников Г.Н., Айрапетова И.В. История как наука. Методология исторического познания: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: УГМА, 2011. – 74 с.

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 101.1::316

Киселев В.И.

*Кузбасская государственная педагогическая академия
(г. Новокузнецк)*

НАЛОГ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ СИСТЕМЫ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Совместная деятельность, как субстанциальная основа общественной жизни людей, связана с целенаправленным совершенствованием жизни человека и исторически складывающихся в силу определённой специфики совместной деятельности отношений в человеческом обществе, причём – напряжённых отношений. В статье доказывается, что напряжённость в системе совместной деятельности и усилия субъектов деятельности определяются их воздействием на трудовую среду, при котором их целесообразные усилия обусловлены заинтересованной субъективностью. Отмечается, что заинтересованность субъектов играет исключительную роль в формировании определённых социальных отношений, характеризующихся положительной или отрицательной напряжённостью. Утверждается, что напряжённость может и должна быть управляема и, в частности, посредством такого эффективного инструмента, как налог. Налог, с позиции социально-философской категории, является многокритериальным оптимизатором проблем стабильного развития системы совместной деятельности.

Ключевые слова: налог, система совместной деятельности, социальная напряжённость, стабильность.

V. Kiselev*Kuzbass State Pedagogical Academy, Novokuznetsk*

TAX AS A SOCIO-PHILOSOPHICAL CATEGORY OF THE SYSTEM OF COLLABORATION

Abstract. Being a substantial foundation of public life collaborative activity is associated with targeted improvement of human life and historically formed social relationships which are rather strained. The tensions in the system of collaborative activity and the efforts of the agents are determined by the effect they produced on the working environment in which their reasonable endeavors are subjectively concerned. The agents' interest plays a unique role in the formation of certain social relationships characterized by positive or negative tension. This article argues that tension can and should be managed particularly by such an effective tool as a tax. From the perspective of socio-philosophical category tax is a multi-criteria optimizer of the problems of stable development of the system of collaborative activity.

Key words: income tax, a system of collaborative activity, social tension, stability.

Налог, по своему содержанию на макроэкономическом уровне, представляет собой перераспределяемую долю произведённого в государстве валового внутреннего продукта с целью реализации функций государства, в том числе: для финансирования социальных программ поддержки незащищённых слоёв населения – детей, одиноких и многодетных матерей, пенсионеров, инвалидов; экономических программ, направленных на приоритетную поддержку отдельных отраслей экономики, предприятий; на содержание армии, служащих социальной сферы – здравоохранения, образования, органов охраны правопорядка, управления.

В микроэкономическом аспекте налог – это изымаемая доля продукта, произведённого субъектом хозяйствования при осуществлении своей деятельности.

Как форма отчуждения части собственности физических лиц, налоги, появились вместе с возникновением государства. Объективная потреб-

ность последнего в налоговых поступлениях понятна для государственных чиновников. Однако осознанная потребность физических лиц платить налоги своему государству, должна была возникнуть с пониманием происходящих в стране процессов и наблюдением за последствиями действий государства во благо этих лиц. Как показывает практика, это не только длительный процесс, но и сложный в понимании его функциональной значимости, требующей если не постоянной, то, по крайней мере, периодической (время от времени) кодификации.

В своём движении – развитии – налог естественно имеет не только юридические, или социальные, но и исторические корни. История становления современной налоговой системы имеет весьма не прямолинейный вектор своего развития. Тем не менее, исторический аспект можно рассматривать как объективную закономерность: то, что существует много веков, не могло возникнуть по желанию одной только стороны – государства. Известны при-

меры, когда в тяжёлые для страны времена население добровольно отдавало на благо Родины своё имущество, чаще всего – в натуральной форме.

К настоящему времени, в социально-философской литературе имеются два противоположных взгляда на сущность, роль и значения налога в системе совместной деятельности: как «основа правительственной машины» (Маркс) и фактор развития (Гегель). Экономическая же обоснованность налога принадлежит А. Смиту.

Отдельные периоды истории налогообложения и налогового права рассматривались в работах отечественных учёных: А.В. Брызгалина, С.С. Зуйкова, А.Д. Мельника, В.А. Парыгиной, С.Г. Пепеляева, А.А. Тедеева, Тимошенко В.А., Ю.П. Титова, А.В. Толкушкина, И.В. Торопицина, Н.И. Химичевой, Д.Г. Черника и др. В работах названных исследователей даётся довольно обстоятельный анализ, причём, помимо экономического, затрагиваются и социальные аспекты влияния налога на развитие системы совместной деятельности.

Вместе с тем, следует отметить, что до настоящего времени в научной литературе отсутствует позиция рассмотрения налога как философской категории, что сужает, по нашему убеждению, его значимость как многокритериального оптимизатора проблем стабильного развития системы совместной деятельности.

Как важнейшая характеристика социальной и политической системы [6], стабильность необходима для реализации социально-экономических программ государства. Однако, на протяжении развития науки понимание стабильности менялось: от изучения

статического равновесия и статической стабильности [10] учёные переходят к анализу динамической стабильности, где «... хаос выступает как созидательное начало» [11, с. 19].

Говоря о стабильности социальных систем, следует заметить, что природа изолированного индивида лишена всякого значения; термин «социальное» в реальной действительности прежде всего включает взаимодействие [3]. В силу же определённой специфики, целесообразные усилия субъектов взаимодействия, обусловлены их заинтересованной субъективностью, которая формирует положительную или отрицательную социальную напряжённость [4].

Социальная напряжённость как характеристика совместной деятельности или духовный системообразующий фактор, выраженный определённым качеством – позитивным или негативным настроением на совместную деятельность, проявляется в экономической сфере деятельности и определяется здесь как работоспособность – физический системообразующий фактор, выраженный уже определённой количественной мерой [5].

Работоспособность может корректироваться, однако опосредованно, за счёт изменения настроения («качества» совместной деятельности) при формировании строго определённых условий совместной деятельности в её духовной сфере. Причиной коррекции прежде всего может послужить высокий уровень негативной (отрицательной) напряжённости и, как следствие последней, низкая работоспособность, которая, в свою очередь, будет складываться из-за несоответствия затраченного определённым работником коли-

чества и качества труда и полученным вознаграждением за его труд, или, иначе, несоответствием «вкладов и отдач».

Ричард К. Хьюсман и Джон Д. Хэтфилд утверждают: «Люди оценивают свои взаимоотношения путём сравнения: что они вкладывают и что получают взамен... однако пока неизвестно, как это происходит» [14, с. 17]. Неизвестность механизма сравнения «вкладов» и «отдач», по существу, порождает и обуславливает проблему равновесия в политике стабилизации совместной деятельности.

В 1992 г. нами была предпринята попытка найти механизм сравнения, лежащий в основе оценки вкладов и отдач работников Кузнецкого металлургического комбината г. Новокузнецка. Выявление такого механизма позволяло, во-первых, вести постоянное наблюдение, и, во-вторых, что более важно, – прогнозировать изменение социальной напряжённости на ранней стадии его (изменения) проявления.

В измерении социальной напряжённости возникает очень серьёзная проблема, заключающаяся в том, что в системе, согласно 2-му закону термодинамики, энергия на «выходе» должна быть больше чем на «входе». То есть, в нашем случае, индивид социума (согласно вышеназванному закону) должен отдавать энергии больше, чем получать. Отсюда закономерно встаёт вопрос: что это за часть, куда и как она «уходит» или, коротко, – требование эквивалентности в реальной системе совместной деятельности.

Как выяснилось впоследствии, требованию эквивалентности может отвечать налог – категория, требующая философского осмысления. Следова-

тельно, необходимо было рассмотреть и попытаться определить социально-философский аспект экономической категории «налог»: его сущность, роль и значение.

В данной статье, разумеется, не представляется возможным раскрытие внутренних и внешних причин производственной технологии и экономической целесообразности компонентов налогообложения; мы вынуждены будем привести (несмотря на значимость поставленной задачи) лишь самую общую схему. Поэтому, используя общую схему, принципы и некоторые детали налогообложения, всё же попытаемся дать определение сущности налога: что есть налог, его роль и значение с позиции социальной философии.

Итак, в научной и общественно-политической литературе мы находим, что ещё до первой мировой войны, и особенно – во время военных действий, в ряде западных (или как принято сейчас говорить – цивилизованных) государств происходит интенсивное вмешательство государства (правительства) во многие сферы хозяйственной деятельности. Законодательно вносятся изменения в условия найма и использования трудовых ресурсов, устанавливаются в ряде отраслей минимальные размеры заработной платы, на ряд товаров устанавливаются верхние пределы цен, в ряде государств – размеры минимального прожиточного минимума. Наконец, принимаются программы перераспределения средств – в пользу относительно бедных, в ущерб относительно богатых, т. е. устанавливается уже уровень минимального дохода.

Подобное мы находим у лауреата Нобелевской премии по экономике

(1976 г.) М. Фридмана, который описывает события, происходящие в Англии, но уже после второй мировой войны: «Начиная с конца второй мировой войны доминирующим фактором британской внутренней политики стало стремление ко всё большему и большему равенству результатов. Правительство принимало новые и новые меры, направленные на то, чтобы отнять «излишки» у богатых и отдать их бедным. Подходные налоги были повышены до такой степени, что для группы лиц с наиболее высокими доходами налог на доход с недвижимого имущества составил 98%, а налог на доход от производственной деятельности (или трудовой доход) – 83%. Налоги на наследство были ещё выше. Значительно расширилась система предоставления государством жилья, медицинского обслуживания и других услуг по социальному обеспечению, а также выплаты пособий по безработице и пенсий по старости» [13, с. 92].

Сказать, что точно так же шли процессы в других странах запада, было бы не совсем корректно, но тенденция к перераспределению средств и, в частности, с применением такого инструмента, как налог, была очевидной. Даже в такой стране, как США, сумевшей в наибольшей степени сохранить принципы свободной конкуренции, государственные налоги, ко времени вступления в должность президента Р. Рейгана, доходили до 70%.

Что же происходит с налогообложением?

В политической экономии налог рассматривается как один из важнейших элементов функционирования правительства. К. Маркс дал ему следующее определение: «Налог – это

пятый бог рядом с собственностью, семьёй, порядком и религией. Налог – это материнская грудь, кормящая правительство – это армия; это полиция; это чиновники; это судьи, министры, это священники. Покушение на налог есть покушение анархистов на стражей порядка, сохраняющих материальное и духовное производство буржуазного общества от посягательств пролетарских вандалов. И, наконец: – налог – это экономическая основа правительственной машины, и ничего другого» [7, т. 7, с. 82].

Несколько раньше и иначе высказался о системе налогообложения А. Смит, который, по словам Д.С. Миля, «сформулировал качества системы, с экономической точки зрения в виде четырёх положений...» [8, с. 63], с которыми, как правило, соглашались последующие экономисты вплоть до настоящего времени. Приведём все четыре, так как они сохранили свою актуальность до настоящего времени:

1. Граждане государства должны ответственно своим возможностям и силам участвовать в содержании правительства, т. е. соответственно доходу, каким они пользуются под покровительством и защитой государства...

2. Налог должен быть точно определён, а не произволен. Срок уплаты, способ платежа, сумма платежа – всё это должно быть ясно определено для налогоплательщика и для всякого другого лица.

3. Каждый налог должен взиматься в то время или тем способом, когда и как плательщику должно быть удобнее всего платить его.

4. Каждый налог должен быть так задуман и разработан, чтобы он брал

и удерживал из карманов народа возможно меньше сверх того, что он приносит казначейству государства.

Что касается «вклада и отдачи», необходимо отметить, что профессор А. Смит, работник умственного труда, вообще относил себя к непроеизводительным работникам, а предприниматель Д. Рикардо считал, что предприниматель перекладывает уплату налога на потребителей. Трудно не согласиться с самокритикой таких авторитетов, как А. Смит и Д. Рикардо. Однако, всё же позволим себе несколько изменить воззрение на налог, выйдя за рамки только экономической его значимости.

Конечно, после открытия физиократами (Ф. Кэне) прибавочного продукта земли («чистый продукт»), открытия К. Ротбертусом трудовой прибавочной стоимости и построенной затем на её основе К. Марксом стройной и знаменитой «теории прибавочной стоимости» несколько затруднительно говорить о неучастии «предпринимательского» и «умственного» труда в материальном пополнении государственного бюджета. И всё же, здесь идёт речь о прямом участии и непосредственной передаче, скажем, части «произведённого продукта» – в форме налога на общественные нужды социума, и не принимается во внимание участие косвенное. Однако в целенаправлении и эффективности развития социума – в этом смысле – участие умственного и предпринимательского труда имеет первостепенное значение.

Словосочетание «человеческий труд» включает в себя *труд* как *физический*, так и *умственный*. В каждой единице человеческого труда присутствует момент как физических, так и умственных усилий, пропорции же

их, безусловно, различны. Различны и энергетические затраты умственного и физического труда. Так, если общий суточный расход энергии работника, занятого преимущественно умственным трудом, составляет от 9799 до 10265 ккал, то работника физического труда средней тяжести – от 12360 до 13827 ккал [12, с. 119-121]. Тем не менее, несмотря на небольшие энергетические затраты умственного труда, в сравнении с физическим, стоимость, а точнее – потребительская, или социальная, цена умственного труда всегда и при всех «формациях» была выше труда физического. И это одна сторона проблемы стабильности системы совместной деятельности.

Другая сторона этой же самой проблемы заключается в разном отношении субъектов совместной деятельности к её (совместной деятельности) условиям. Социальное напряжение и его источник – разность отношений организатора и исполнителя к условиям совместной деятельности, как и сама совместная деятельность и её субъекты – организатор и исполнитель, то есть внутренние противоположные стороны диалектического единства, имеют место быть до тех пор, пока существует высшая на Земле форма организации живой природы – общество, какого бы уровня развития (формации) оно ни достигло. Нет, и не может быть в принципе совместной деятельности без наличия основных её субъектов – организатора и исполнителя. Совместная деятельность без организатора (субъекта – преимущественно умственного – труда) – такая же бессмыслица, как и совместная деятельность без непосредственных исполнителей.

С определённой долей вероятности можно предположить, что корни налоговой системы находятся в первоначальном формировании человеческого общества. Уже здесь – в первобытной коммуне, скорее всего, существовал возрастной ценз, когда достигший определённого возраста член социума должен был вносить в «общее» пусть небольшую, но свою долю; и уже в этой, пусть небольшой доле, находилась крупица ещё не осознанного, а поэтому не имеющего названия как такового – налога, т. е. части, которой распоряжался один (старейший или сильнейший) – глава социума – во благо всех [1]. Иными словами, эта часть из общих запасов, в основном состоящая из предметов питания, использовалась не теми, кто непосредственно вносил, а шла через главу (организатора) к временно неудачному охотнику, слабому, временно больному и т. п.

Таким образом, отчуждение возвращалось приобретением. Это было необходимо, ибо позволяло выжить. Этот обмен внутри, с ростом численности населения и развития человеческого общежития переходил во внешний обмен, что являлось, в свою очередь, причиной развития человеческого общежития. Развитие человеческого общежития через обмен, и обмен через развитие человеческого общежития происходило в силу естественного закона природы – *закона необходимости*.

Используя в своём исследовании сущности налогообложения принцип универсальной связи бытия – отношение единичного и общего, Гегель писал: «Большинство людей смотрят на уплату налогов как на нарушение их особенности, как на нечто враждеб-

ное им, мешающее осуществлению их цели. Но, хотя им и на самом деле это кажется, особенность цели не может быть удовлетворена без всеобщего, и страна, в которой не уплачивали бы налогов, вряд ли отличалась бы и ростом силы особенности. Точно так же могло бы казаться, что со всеобщностью обстояло бы лучше, если бы она стянула к себе силы особенности, как это, например, осуществляется в платоновском государстве. Но, и это опять-таки лишь иллюзия, так как обе существуют лишь друг для друга и посредством друг друга, переходят друг в друга. Способствуя осуществлению моей цели, я способствую осуществлению всеобщего, а последнее в свою очередь способствует моей цели» [2, с. 98].

Последнее замечание Гегеля перекликается с мнением министра-реформатора при дворе Людовика XVI – Тюрго, который писал о промышленнике, что, преследуя свои собственные интересы, тот часто более действительным образом служит интересам общества, чем когда он сознательно стремится делать это. Участие в общественном производстве, и притом – положительное участие предпринимчивого капиталиста, мы находим и у К. Маркса. В своей основной работе, исследуя сущность капитала, К. Маркс пришёл к выводу: «Вещественно в действительном процессе труда участвует весь капитал, а в процессе образования стоимости – только часть его (т. е. непосредственно рабочая сила, так называемый представитель чисто физического труда, или пролетарий) – как бы ни было, в итоге оказывается, что прибавочная стоимость возникает одновременно из всех частей вложенного капитала» [7, т. 25, ч. 2, с. 43].

Правда, необходимо уточнить, что здесь речь идёт об издержках производства и участии в образовании прибавочной стоимости как прошлого, так и настоящего труда. Нам же важно подчеркнуть, что в образовании прибавочной стоимости участвует одновременно весь капитал. Это главное. И далее, К. Маркс пишет: «Хотя избыток стоимости товара над издержками его производства возникает в непосредственном процессе производства (т. е. посредством только физического труда), – но реализуется он только в процессе обращения» [7, т. 25, ч. 2, с. 50].

Таким образом, нужно учитывать не только участие всех индивидов в производственной деятельности, но и функциональное значение «вклада» каждого индивида в продукт совместной деятельности в процессе движения развития социума и, прежде всего – инновационного развития.

Таким образом, подведём итоги вышесказанному.

Как известно, жизнь – это движение. Растение, если не может расти, – погибает; животное, оказавшись обездвиженным, – погибает. Погибает и «человеческое» в человеке, если он перестаёт двигаться, расти – совершенствоваться. То же происходит и с обществом, если оно перестаёт развиваться; если ранее существовавшие условия ценности [9] совместной деятельности социума перестают отвечать требованию развития, то они заменяются новыми – созидательным. Именно движение, изменение, развитие образует как бы форму подвижного равновесия в социуме. Иными словами, социум в целом и производственно-экономическая деятельность в частности находятся в движении, в форме подвижно-

го равновесия, и способствует этому налог, как регулятор обмена между «вкладами» и «отдачами» различных индивидов – членов социума. Это с одной стороны, а с другой – налог критерий развития заинтересованности субъекта либо в сфере обращения, либо – производства. Пожалуй, в этом заключается его роль. Сущность же заключается в том, что налог (несмотря на чудовищнейшие злоупотребления) есть часть общественного продукта материальной сферы, идущая (или направляемая) в сферу духовного производства, то есть на развитие, и способствующая поиску практических путей сокращения расхода энергии работника, занятого не только тяжёлым и особо тяжёлым, но и физическим трудом средней тяжести.

Итак, мы можем сказать, что (к примеру) *в выплавке одной тонны стали, в той или иной роли (прямо или косвенно), участвуют все члены социума: как сталевар в сталеплавильном цехе, так и вахтер на проходной; как предприниматель – директор завода, так и профессор университета. В этом участии каждый индивид затрачивает определённую энергию, которую он должен вернуть через заработную плату с учётом налога, вытекающего из принципа «справедливости» или «равновесия».*

Таким образом, прямое или косвенное участие всех субъектов совместной деятельности в производстве, затрата энергии в процессе производства и её возврат через заработную плату, передача определённой части общего продукта на развитие, что, следует заметить, удивительным образом согласуется со вторым законом термодинамики, – даёт нам возмож-

ность полагать, что налог, как социально-философская категория, является многокритериальным оптимизатором социального равновесия, а также развития, справедливости и, наконец, стабильности системы совместной деятельности. **Осознание** налога как социально-философской категории приводит с необходимостью к разумному – рациональному – использованию социально-экономического инструмента в социально-политической сфере совместной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Галич М. История доколумбовых цивилизаций / пер. с исп. Г.Г. Ершовой и М.М. Гурвица. – М.: Мысль, 1990. – 408 с.
2. Гегель Г. Философия права/ АН СССР, Ин-т философии. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
3. Киселев В.И. Производство как интегрирующий фактор антропосоциогенеза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика». – 2013. – № 3. – С. 28-33.
4. Киселев В.И. Социальная напряжённость как социально философская категория (постановка проблемы) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена – Санкт-Петербург. – 2013. – №160. – С. 166-174.
5. Киселев В.И. Социальная напряжённость: фундаментальный и прикладной аспекты социальной физики. – Новокузнецк: Рио КузГПА, 2013. – 109 с.
6. Луман Н. Глобализация мирового общества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века. Новые направления исследований. – М.: Интеллект, 1998. – С. 94-109.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955-1981. – Т. 7 (539 с.); Т. 25, ч. 2 (548 с.).
8. Милль Д.С. Основы политической экономики. – М.: Прогресс, 1980. – 495 с.
9. Огородников А.Ю. Диалектика взаимосвязи ценностной системы и социальной структуры общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». – 2013. – № 2. – С. 38-44.
10. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.
11. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой: Пер. с англ./ Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
12. Физиология человека: учебник / Под ред. В.М. Покровского, Г.Ф. Коротько. – М.: Медицина, 1997. – 368 с.
13. Фридман М., Хайек А. О свободе. – Репринт. изд.; Пер. с англ. – Минск: Полифакт-референдум, 1990. – 125 с.
14. Хьюсман Р., Хэтфилд Д. Фактор справедливости, или «И это после всего, что я для тебя сделал...» / Пер. с англ. О.Р. Семеновой. – М.: Знание, 1992. – 96 с.

УДК 23.00.02

Кондратенко Г.Г.*Московский городской университет управления Правительства Москвы*

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены источники, движущие силы и инструменты коррупции, а также потери от коррупции как результат деятельности коррупционеров. Показано, что применение на практике имеющихся уже в достаточном количестве аналитических инструментов для определения значения антикоррупционной составляющей тех процессов, которые связаны с административным управлением, позволяет не только давать качественную оценку этого параметра деятельности государственных гражданских служащих, но и прогнозировать последствия шагов, осуществляемых в ходе реформирования чиновничьей среды. Актуальность этой проблемы связана с высоким уровнем коррупционных проявлений в среде российского чиновничества.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная ситуация, социальная деградация, факторы коррупционной деградации общества.

G. Kondratenko*Moscow City Government University of Management*

ANTICORRUPTION COMPONENT OF ADMINISTRATIVE MANAGEMENT

Abstract. The article considers the sources, driving forces and instruments of corruption, as well as losses from corruption as a result of corruptioners' activity. It is shown that the implementation of analytical tools that are already available to determine the importance of anticorruption component of the processes that are connected with administrative control allows us not only to give a qualitative evaluation of this parameter of measuring the activity of civil servants, but also to forecast the consequences of bureaucratic environment reformation. The urgency of this problem is related to the high level of corruption in Russian bureaucracy.

Key words: corruption, corruption situation, social degradation, factors of corruption society's degradation.

Согласно индексу GRTCS (Governance Research Indicator Country Snapshot – Страновой обзор по индикатору состояния государственного управления), который определяется один раз в два года Всемирным банком и оценивает эффективность государственного управления в 209 странах, Россия по таким показателям, как качество за-

конодательства, верховенство закона и основанный на них контроль за коррупцией, находится в нижней части рейтинга. По индексу восприятия коррупции, рассчитываемому международной организацией «Трансперенси Интернешнл», Россия до последнего времени среди 146 стран занимала 90-е место.

Система исполнительной власти является весьма закрытой для граждан и

бизнеса. Согласно данным международных исследований, по индексу неопрозрачности Россия среди 48 крупнейших держав занимает 40-е место. При таком уровне непрозрачности дополнительные расходы российских и иностранных инвесторов в связи с увеличением рисков составляют 5,64% вкладываемых средств. В то же время, по данным экспертов Правительства РФ, сокращение уровня непрозрачности в среднем на 1 пункт коррелирует с увеличением сред-

негодового валового внутреннего продукта на душу населения на 986 долл. США, ростом прямых иностранных инвестиций по отношению к валовому внутреннему продукту на 1% и сокращением инфляции на 0,46%.

Коррупция как социально-экономическое явление имеет четыре основных составных части, которые в виде двухуровневого тезауруса, построенного на основе планетарной модели, показаны на рис. 1.

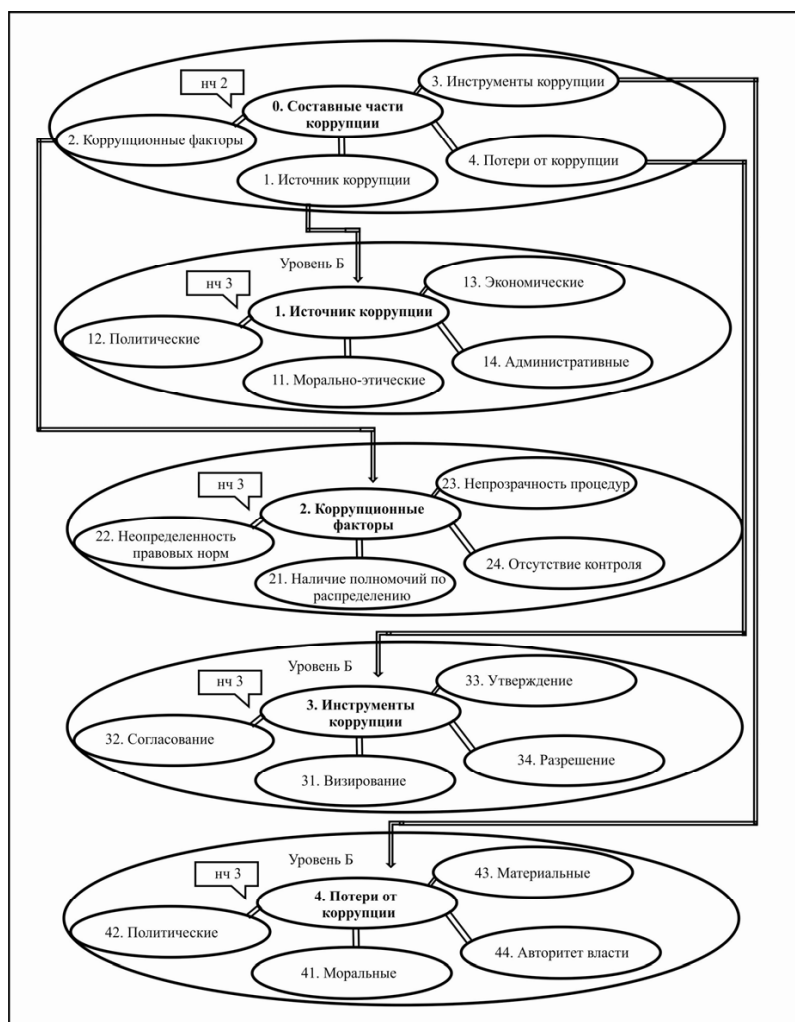

Рис. 1. Двухуровневый тезаурус составных частей коррупции

Они включают: 1) источники коррупции, т. е. причины, ее порождающие; 2) коррупциогенные факторы – движущие силы коррупции, определяющие её характер и отдельные черты; 3) инструменты коррупции, представляющие собой средства, с помощью которых коррупционеры достигают своих нелегальных целей; 4) потери от коррупции как результат деятельности коррупционеров.

Каждая из составных частей раскрывается на следующем логическом уровне.

К основным источникам коррупции здесь отнесены морально-этические (наличие авторитета: разрешать – не разрешать), политические (наличие права выбора: выбирать – не выбирать), экономические (наличие экономических рычагов: финансировать – не финансировать) и административные (наличие власти: принуждать – не принуждать).

Базовыми коррупциогенными факторам являются: наличие полномочий по распределению, неопределённость правовых норм, непрозрачность процедур, отсутствие контроля.

Главными инструментами коррупции являются визирование, согласование, утверждение и разрешение.

Наиболее распространёнными последствиями коррупции являются моральные, политические, материальные потери и снижение авторитета власти.

Например, к *материальным последствиям коррупции* в органах государственной власти относятся следующие основные явления [2, с. 64-66]. Во-первых, расширяется теневая экономика, что приводит к уменьшению налоговых поступлений и ослаблению бюджета, в результате государство те-

ряет финансовые рычаги управления экономикой, обостряются социальные проблемы из-за невыполнения им бюджетных обязательств. Во-вторых, нарушаются конкурентные механизмы рынка, поскольку часто в выигрыше оказывается не тот, кто конкурентоспособен, а тот, кто незаконно смог получить преимущества. Это влечёт за собой снижение эффективности рынка и дискредитацию идей рыночной конкуренции. В-третьих, замедляется появление эффективных частных собственников, в первую очередь – из-за нарушений в ходе приватизации, по причине искусственных банкротств, как правило, сопряжённых с подкупом чиновников. В-четвёртых, неэффективно используются бюджетные средства, в частности при распределении государственных заказов и кредитов, что сказывается на бюджетных проблемах страны. В-пятых, повышаются цены за счёт коррупционных «накладных расходов», от чего страдает потребитель-народ. В-шестых, у агентов рынка появляется неверие в способность власти устанавливать, контролировать и соблюдать честные правила рыночной игры. В этой связи ухудшается инвестиционный климат и, следовательно, не решаются проблемы преодоления спада производства и обновления основных фондов. Наконец, расширяются масштабы коррупции в неправительственных организациях, что ведёт к уменьшению эффективности их работы, а значит, и к снижению эффективности экономики страны в целом.

В *социальной сфере* по причине коррупции отвлекаются колоссальные средства от целей общественного развития. Тем самым обостряется бюджет-

ный кризис, снижается способность власти решать социальные проблемы. Следствием этого является закрепление и увеличение имущественного неравенства и бедности большей части населения. Продажность чиновничества подстёгивает несправедливое перераспределение средств в пользу узких групп за счёт наиболее уязвимых слоёв населения. Коррупция приводит к дискредитации права как основного составного инструмента регулирования жизни государства и социума. В общественном сознании формируется представление о незащитности граждан, как перед преступностью, так и перед лицом власти, чему способствует, в частности, коррумпированность правоохранительных органов, ведущая к укреплению организованной преступности. Последняя, срачиваясь с коррумпированными группами чиновников и предпринимателей, усиливается ещё в большей мере, получая доступ к политической власти и возможностям по отмыванию денег. Всё это приводит к повышению социальной напряжённости, бьющей по экономике страны и угрожающей её политической стабильности.

Коррупция приводит к *прямым потерям*, порождаемым недобором бюджетных средств, поскольку взятки – своеобразный теневой налог, внесённый за обслуживание теневых отношений граждан и чиновников. Отметим, что эти деньги могли бы поступить в государственную казну для использования в общественно полезных целях. Иначе говоря, эти средства можно рассматривать как потенциальные потери бюджета.

Имеют место и *косвенные потери* от коррупции, которые, среди прочего,

выражаются в снижении эффективности функционирования экономической системы страны. Косвенный ущерб связан с падением престижа страны, ростом обычной и организованной преступности, падением уровня обеспечения национальной безопасности из-за коррупции в вооружённых силах.

Для оценки косвенного влияния коррупции на экономику используются:

- 1) агрегированные показатели экономического развития;
- 2) индикаторы институционального типа;
- 3) социально-политические индикаторы;
- 4) индикаторы, характеризующие уровень коррупции [1].

Одним из способов оценки прямых и косвенных потерь от коррупции являются социологические опросы и экспертизы. Так, результаты российских исследований состояния системы государственного управления свидетельствуют о коррумпированности государственного аппарата, низкой эффективности государственной власти, падении доверия общества к государственным институтам и государственным служащим. Данные опросов, проведённых фондом «Общественное мнение» в 2004–2005 гг. в семи субъектах Российской Федерации, свидетельствуют об отрицательной оценке гражданами деятельности чиновников по оказанию государственных услуг (более 71% опрошенных). Более 76% опрошенных сталкивались с проявлениями коррупции в государственном аппарате. Судя по этим данным, эффективность антикоррупционной деятельности в нашей стране находится на невысоком уровне.

В посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ чиновничество признано замкнутой и подчас просто надменной кастой, рассматривающей государственную службу как разновидность бизнеса. В этой связи основными задачами определены повышение эффективности государственного управления, строгое соблюдение государственными служащими законности, предоставление ими качественных публичных услуг населению, обеспечение права граждан на объективную информацию.

Что собой представляет и в чём проявляется коррупция?

Вне зависимости от уровня управленческой иерархии *коррупция* представляет собой любое незаконное использование лицом своего публичного статуса.

Это деяние сопряжено с получением выгоды, как для себя, так и для своих близких, вопреки законным интересам общества и государства, либо с незаконным предоставлением такой выгоды лицу, а также подкупом, включая получение или дачу взятки.

Под *лицами, имеющими публичный статус*, в сфере управления мегаполисом подразумеваются физические лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие обязанности в органах государственной власти и местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях.

В российском законодательстве выделяются три вида коррупционных правонарушений: гражданско-правовые, служебно-административные и уголовные [3, с. 464].

По мнению современных отечественных законодателей, коррупция представляет собой постоянно са-

мовоспроизводящееся явление, коренящееся в недрах самого уклада социальной жизни, не признающее культурно-этических и территориальных границ [4]. С их точки зрения, искоренение коррупции или быстрое и устойчивое её низведение до социально незначительного уровня на основе лишь срочной целевой программы реализовать невозможно. Борьба против коррупции должна являться постоянной функцией государства и заботой всего общества. В этой связи желательно создание стабильных общенациональных основ ограничения распространения и самовоспроизводства коррупции, рассчитанных на длительную перспективу и опирающихся на федеральное и региональное законодательство. В значительной степени эта проблема характерна и для московского мегаполиса.

Стратегическое управление крупной городской агломерацией является сложным процессом взаимодействия городского сообщества, с одной стороны, и органов государственной, городской, окружной и районной власти – с другой. Это взаимодействие осуществляется в ходе реализации интересов членов сообщества путём предоставления органами управления разного рода услуг, в частности административного или жилищно-коммунального характера. Эти интересы также могут быть ограничены чем-либо, например, действующими законами или подзаконными актами, а также дефицитом чего-либо, скажем, земли под застройку. В любом случае власть по отношению к членам сообщества осуществляет распределительную функцию, носящую служебный (обеспечивающий) или разрешительный

характер по отношению к использованию некоторого ресурса.

Повседневная практика показывает, что в процессе жизнедеятельности граждан или организаций их спрос на что-либо ограничен дефицитом услуг или ресурсов, что в конечном итоге сказывается на их жизненном уровне или на величине их накоплений. Это

На рис. 2 эта цепочка представлена в виде модели, основанной на использовании эволюционно-временного фрактального конструкта¹. Модель иллюстрирует самовоспроизводство отношений между гражданами или организациями, с одной стороны, и чиновничеством – с другой.

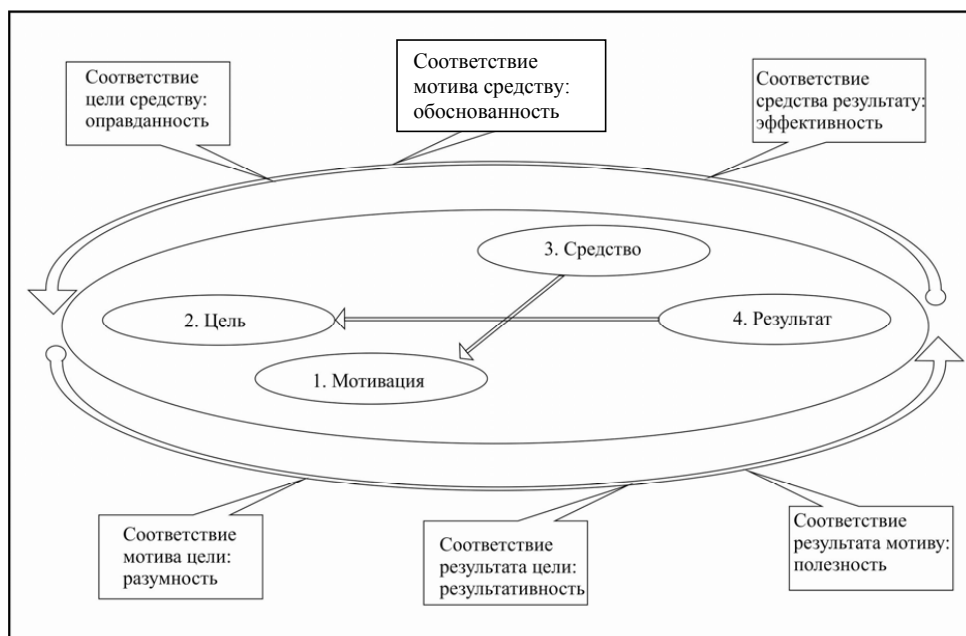

Рис. 2. Модель критериев оптимальности на основе эволюционно-временного фрактального конструкта

означает, что взаимодействие между городским сообществом и властями города осуществляется по замкнутой логической цепочке: цель – удовлетворение спроса граждан или организаций – средство: работа или разрешение чиновников – результат: получение гражданами или организациями услуг или ресурсов; мотивация – потребление или накопление гражданами или организациями.

В соответствии с этой моделью одним из критериев оптимальности системы управления взаимоотношениями представителей городского общества и чиновничества является

¹ Теоретическая модель процесса оптимизации на основе различных критериев оптимальности разработана НИЦ МГУУ Правительства Москвы в ходе выполнения научно-исследовательской работы «Методы оптимизации решений по стратегическому развитию мегаполиса» (код фанга 1.1.1.44).

социальная эффективность, которая определяется как степень соответствия средства результату. Иными словами, показатель социальной эффективности в данном случае играет роль некоторого соотношения между социальной значимостью работы или разрешения, осуществляемых представителями городской власти, и практической ценностью либо стоимостью услуг или ресурсов, полученных гражданами или организациями. При этом необходимо иметь в виду, что реальная и официальная ценность (стоимость) могут не совпадать между собой.

Дополнительная цена, которую гражданам или организациям вынужденно или добровольно приходится платить чиновничеству за услуги или доступ к ресурсам, является *взяткой* (подкупом, мздой, лихоимством). При условии того, что услуги или ресурсы по своим качествам соответствуют интересам граждан или организаций, соотношение между официальной стоимостью услуг или доступа к ресурсам и суммой неофициальной и официальной их стоимости является количественным показателем коррумпированности чиновничества – *коэффициентом коррумпированности*.

Существуют разнообразные методы оценки коррупции, в основу которых положен коэффициент коррумпированности, являющийся одним из оснований для ранжирования. Среди них можно выделить индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions

Index), разработанный специалистами международной общественной организации «Трансперенси Интернешнл». Например, в 2007 г. индекс СРТ России и Индии составил 2,7 пункта (они разделили 71-е место). Первые места заняли Финляндия (9,7), Дания и Новая Зеландия (по 9,5). Широко известны также индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom), разработанный фондом Heritage Foundation, индекс непрозрачности (the Opacity Index), а также проекты Мирового банка реконструкции и развития. Таким образом, на практике используется достаточное количество аналитических инструментов для определения значения антикоррупционной составляющей тех процессов, которые связаны с административным управлением. Они позволяют не только давать качественную оценку этого параметра деятельности государственных гражданских служащих, но и прогнозировать последствия шагов, осуществляемых в ходе реформирования чиновничьей среды.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Россия и коррупция: кто кого: доклад фонда ИНДЕМ. – М., 1998.
2. Сатаров Г.А. Антикоррупционная политика. – М.: СПАС, 2004. – 368 с.
3. Топорнин Б.Н. Юридическая энциклопедия. – М.: Юрист, 2001. – 1272 с.
4. Федеральный закон от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. – 2008. – 30 декабря. – № 4823.

УДК 101

Лутфуллин Д.Ф.*Московский государственный гуманитарно-экономический институт*

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИЙ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ДРЕВНЕМ МИРЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению становления теорий принятия политических решений в Древнем мире. Выявлены особенности принятия политических решений, присущие различным социокультурным обществам. Рассмотрено с позиций философского осмысления социокультурных типов философии влияние классиков мировой философской мысли на управленческую деятельность в общем, и принятие политических решений – в частности. В результате анализа эволюции теории управленческой деятельности и механизма принятия политических решений в древние времена в различных цивилизациях сформулирован следующий вывод: развитие основ управления на Востоке и Западе шло по своему пути, опираясь на социокультурные особенности этих обществ.

Ключевые слова: принятие политических решений, управленческая деятельность, философская система, политическая сфера.

D. Lutfullin*Moscow State Socially-Humanitarian Institute*

THE HISTORY OF ANCIENT WORLD POLITICAL DECISION TAKING THEORIES DEVELOPMENT

Abstract. The article is devoted to studying the formation of theories of political decision taking in the Ancient world. The features of political decision taking inherent in various socio-cultural societies are revealed. From the perspective of philosophical understanding of socio-cultural types the influence of philosophical thought is considered on administrative activity in general and political decision taking in particular. The analysis of the evolution of the theory of administration and mechanism of political decision taking in different ancient civilizations brings the author to the conclusion that the development of administrative activity in the East and the West differed and each entity pursued its own way according to its socio-cultural peculiarities.

Key words: political decision taking, administrative activity, philosophical system, political sphere.

Известно, что деятельность человека, конкретной организации, определённого социума, государства представляет собой не что иное, как цепь принятых решений. Это обусловлено, прежде всего, наличием определённых целей, достижение которых невозмож-

но без принятия конкретных решений.

История свидетельствует, что теоретическими проблемами принятия решений занимались философы, военные, политологи, психологи, математики, социологи, управленцы. Несомненно, что представители каждой из упомянутых отраслей научного и

© Лутфуллин Д.Ф., 2014.

практического знания внесли свой вклад в теорию принятия решений. При этом в существующих исследованиях преобладают технократический и опытно-профессиональный подходы, что имеет крайне ограниченные области применения. То есть, разработанные модели теории принятия решений не могут рассматриваться в качестве общезначимых, применимых для всех областей социальной практики человека, в том числе социально-политической.

Таким образом, становится актуальным формирование научного представления о политическом решении как сущности и явлении политической действительности. Сегодня в политологии наличествует огромное количество подходов к указанному понятию [9]. Так, энциклопедическое издание «Политология. Словарь» указывает, что это «один из основных моментов политического процесса, содержание которого заключается в идеологическом разрешении наличной проблемы и организации политического действия, направленного на стабилизацию или изменение политической ситуации. Политическое решение может иметь форму политического сознания, усмотрения, использования ритуала или традиции, а также закона» [2]. Другое научное издание характеризует политическое решение как «технологическое преобразование политической власти в управление социальными процессами» [5].

Обращение к генезису [4] предметной части статьи позволит выявить сущностные, познавательные, социально-культурные, ценностные основания механизма принятия современных политических решений.

Становление теории принятия политических решений имеет длительную историю: учения стали формироваться ещё в древности, когда возникла потребность в объяснении политических явлений. Знания о политике и принятии политических решений первоначально развивались в рамках философии Древнего мира – в Китае, Индии, других странах Древнего Востока, а также в античных Греции и Риме. Тогда же возникли и первые учения о природе государства и политики, о способах и методах политического управления и принятия политических решений [3, с. 45].

В этом ключе методологически правильным является выявление особенностей принятия политических решений, присущих различным социокультурным обществам, что позволяет понять и в определённой степени прогнозировать управленческие решения в политической сфере. При этом следует отметить, что принятие политических решений является частью такой сложной проблемы, как управленческая деятельность, что обуславливает наше обращение к исследованию науки об управлении в Древнем Китае, Индии и Греции. Именно с позиций философского осмысления социокультурных типов философии рассмотрим влияние классиков мировой философской мысли на управленческую деятельность в общем, и принятие политических решений – в частности.

Известно, что управленческая деятельность как один из видов человеческой деятельности, в том числе и в политической сфере, зародилась в древние времена¹. В своём развитии

¹ Современные учебники по теории менеджмента отмечают различные даты, в том числе 7 тысячелетие до н. э.

данный вид человеческой деятельности прошёл несколько этапов (часто называемых «управленческими революциями»), неоднозначных по своему содержанию и историческому значению. Будет правильным, если мы напомним суть некоторых из них, так как эти огромные исторические отрезки времени оказали важное влияние на цивилизационное развитие общества.

Итак, в период первой революции («религиозно-коммерческой») управленческая деятельность сформировалась как инструмент коммерческой и религиозной деятельности, превратившись позже в социальный институт и профессиональное занятие. Вторая управленческая революция («светско-административная») связана с именем вавилонского правителя Хаммурапи (1792-1750 гг. до н. э.) и характеризуется появлением светской манеры управления, возникновением формальной системы организации и регулирования отношений людей, зарождением основ лидерского стиля, а значит, и методов мотивации поведения. Третья управленческая революция («производственно-строительная») берёт начало через тысячу лет после смерти Хаммурапи, относится ко времени возрождения Вавилоном былой славы и вновь напоминает о себе как о центре развития управления как искусства.

Третья революция в менеджменте характеризуется строительной деятельностью и разработкой технически сложных проектов, эффективными методами управления и контроля качества продукции. В этот же период в трёх центрах древнего мира – Китае, Индии и Греции фактически одновременно возникает философия.

Таким рубежом стала середина первого тысячелетия (VI век до н. э.), когда философия предлагает человеку новую жизненную позицию, опирающуюся не столько на привычку или традицию (как это было ранее), сколько на собственный разум и знание, почерпнутые в процессе образования и интеллектуального поиска. Такой подход распространяется и на процесс управления. Вместе с тем, отметим, что общность генезиса философии в трёх центрах Древнего мира не исключала специфики формирования систематизированного философского знания в Древней Индии и Древнем Китае, в многочисленных полисах античной Греции [1, с. 80-83].

Методологически важно выделить данную специфику философского знания в указанных социокультурных обществах, так как она (специфика) позволяет и сегодня понять логику (или её отсутствие) принятия политических решений в разных культурах.

История Древнего Китая распадается (не считая неолита) на шесть периодов: 1) Шан-Инь (XVIII-XII вв. до н. э.); 2) Чжоу – Западное Чжоу (XII-VIII вв. до н. э.); 3) Чжоу – Восточное Чжоу – Лего (т. е. «отдельные государства»); 4) Чжоу – Восточное Чжоу – Чжаньго (т. е. «сражающиеся государства»); 5) империя Цинь (221-206 гг. до н. э.); 6) Хань (конец III в. до н. э. – II в. н. э.) [7].

Философия в Китае возникает в конце третьего периода и достигает своего наивысшего расцвета в период Чжаньго – период «борющихся (сражающихся) государств, царств», который часто называют «золотым веком китайской философии». Действительно, в те времена свободно и творчески

существовало шесть основных философских школ: 1) конфуцианство; 2) моизм; 3) школа закона («фа-цзя»), по-европейски – легизм; 4) даосизм; 5) школа инь-ян (натурфилософы); 6) школа имён («мин-цзя»).

При этом в большинстве школ преобладала практическая философия, связанная с проблемами житейской мудрости, нравственности, управления. Это почти целиком относится к конфуцианству, моизму, легизму, политико-этические и мировоззренческие основания которых и в наши дни играют важную роль в общественно-политической жизни Китая. Не раскрывая сущностных особенностей философских школ Древнего Китая, отметим то общее, что их объединяет, обуславливает, имплицитно, если хотите, на социально-политическую действительность.

Особенностями видения мира и окружающей действительности Древнекитайской философии выступают: восприятие своей страны – Китая как центра существующего мира; понимание отдельных событий и истории в целом как циклического процесса; осознание своей ответственности перед Небом и Землёй за правильное воплощение на Земле космических циклов; восприятие человека, природы и космоса как единого целого; консерватизм сознания, обращённость в прошлое, боязнь перемен; невыделение отдельной человеческой личности из коллектива; осознание беспомощности отдельного человека в борьбе против природной стихии; распространение в обществе вертикальных связей (власти и подчинения) – субординации, послушание начальству, восприятие главы государства (императора)

высшей объединяющей силой государства, а государства – объединяющей силой общества, обоожествление должности и личности императора, его власти; конформизм во взаимоотношениях, предпочтение покоя и недеяния; понимание жизни прежде всего как жизни духа в телесной оболочке, предпочтение земной жизни загробной, стремление максимально продолжить жизнь отдельного человека на Земле (с помощью трав, физических упражнений, правильного образа жизни и правильного отношения к окружающей действительности); восприятие потусторонних сил как реальности, одушевление умерших; уважение к родителям, старшим, почитание предков и духов.

Выделенные особенности философии китайской цивилизации играли и играют важную роль в формировании мировоззрения и общественного сознания данного общества. Кроме того, указанные особенности проявляются в управленческой деятельности, особенно в политической сфере. Следовательно, при оценке и принятии политического решения субъект управленческой деятельности опирается на сформировавшиеся традиционные основы культуры своей цивилизации, и только потом – на другие обстоятельства [8]. Это важно учитывать специалистам и сегодня, при принятии политических решений в различных областях взаимодействия с активно развивающимся обществом Китая.

В древнеиндийской истории также выделяют шесть периодов: 1) первобытнообщинный строй аборигенов Индустана; 2) протоиндийская цивилизация Хараппы и Мохенджо-Даро

в долине Инда (второе тысячелетие до н. э.); 3) первобытнообщинные племена арийцев, пришедших с северо-запада в долину Инда и Ганга во второй половине второго тысячелетия до н. э.; 4) арийские раннеклассовые государства века бронзы первой половины первого тысячелетия до н. э., боровшиеся друг с другом; 5) период возвышения государства Магадха (середина первого тысячелетия до н. э.); 6) период возвышения государства Маурья (322-185 гг. до н. э.).

Что касается основных периодов древнеиндийской философии, то традиционно выделяют следующие периоды:

Первый период – ведический (XV-VI вв. до н. э.). Веды – древнеиндийские памятники религии. Состоят из нескольких книг. Оправдывают существование в Древней Индии каст: жрецы (брахманы), кшатрии (высшая аристократия), вайшьи (землевладельцы, ремесленники, торговцы), шудры (низшая бесправная каста).

Второй период – эпический (VI-II вв. до н. э.). Формируются учения, оппозиционные ведам: буддизм, джайнизм, чарвака, санкхья, йога.

Третий период – эра сутр (II в. до н. э. – VII в. н. э.). Это краткие философские трактаты, рассматривавшие отдельные проблемы. Этим завершается период древнеиндийской философии. В дальнейшем господствующее положение в ней занимает учение Сиддхартхи Гаутамы (Будды) – буддизм [6].

Несмотря на наличие множества различных школ, каждая школа старалась изучить взгляды всех других и, прежде чем прийти к тому или иному заключению, тщательно взвешива-

ла их аргументы и возражения. Такой характер индийской философии привёл к образованию особого метода философского рассмотрения, а именно: прежде чем сформулировать свою собственную теорию, философ должен сначала установить точку зрения своего оппонента. Это установление доводов оппонента должно быть первоначальной точкой зрения. Затем следует её опровержение и, наконец, изложение положений и доказательств с позиции данного философа, которая поэтому называется последующей точкой зрения, или выводом.

Общими чертами индийских философских школ являются:

1) философия рассматривается как руководство к жизни;

2) начальной стадией философских учений выступает пессимизм;

3) во всех системах, кроме чарваки (материализм), господствует вера в вечный нравственный закон-карму (сумма поступков человека, определяющая его дальнейшую жизнь);

4) важнейшая задача человека – контроль над своим собственным Я;

5) цель (смысл) жизни человека – достижение нирваны (блаженство, магия, счастье).

Таким образом, специфическими чертами древнеиндийской философии явились: всеобъемлющий характер индийской философии – терпимость одних её философских школ по отношению к другим; связь с собственно научной мыслью; для древнеиндийской философии был характерен глубокий традиционализм. Так, например, западноевропейская философия часто ассоциируется со скепсисом, неустанностью поиска истины, а индийская – с осуждением сомнений, утверждени-

ем их бесплодности, а, следовательно, вредности. Восточная традиция, вопреки существующему разнообразию школ, выражала постоянство и преемственность в течение многих столетий. В это же время западная философия складывалась посредством борьбы идей, в процессе которых новые теории вызревали в недрах старых и, преодолевая их, приходили им на смену.

Методологическая значимость данного вывода состоит в преемственности и традиционности практик древнеиндийских философских школ в современный период, проявляющихся в мировосприятии и формировании мировоззрения индийского общества в условиях изменяющегося мира.

В рамках античной философии рассмотрим классический период по нескольким причинам: в социально-экономическом и политическом отношении это был расцвет античного рабовладельческого общества, демократии и политической жизни, искусства и науки того периода; в духовном отношении этот период стал образцом для цивилизованного и культурного развития, образцом гуманизма для всех последующих этапов европейской и не только европейской культуры и истории. В этот период происходит переход от преимущественного изучения Природы, Космоса к рассмотрению человека и самого знания, человеческой жизни во всех многообразных её проявлениях – это главная проблема в учениях софистов и Сократа. С их деятельности начинается переход от философии как любви к мудрости вообще, к философии как к самосознающему, мировоззренческому мышлению. Его сущность – рациональность, систематичность, доказательность. Именно

такой подход позволял приступить к анализу субъектных, объектных, социальных и нравственных характеристик и сторон управленческой деятельности.

Греческая культура намного выше ставит духовные ценности и гражданские доблести, чем владение вещами и деньгами, которые должны добываться честным и добросовестным трудом. Только через две тысячи лет нормы античной трудовой этики, помноженные на деловой прагматизм, были восстановлены в правах западноевропейским протестантизмом. Начальной точкой цивилизации служит гражданская община древних греков, а её высшим этапом является западноевропейское гражданское общество. Цивилизация стала возможной лишь с возникновением товарно-денежных отношений, формированием особого типа деловых людей, новой формой трудовой этики и основ рационального менеджмента, теоретическую и практическую основу которых заложили такие философы, как Сократ, Платон и Аристотель.

Анализ эволюции теории управленческой деятельности и механизма принятия политических решений, как его части, показал, что основы данной деятельности складывались в древние времена в различных цивилизациях и не по одному сценарию. Развитие основ управления на Востоке и Западе шло по своему пути, опираясь на социокультурные особенности этих обществ. Следовательно, чтобы сегодня понимать и прогнозировать те или иные политические решения субъектов управления (акторов), мы должны иметь представление об особенностях их формирования в различных политических, исторических, культурных условиях. Именно поэтому был проде-

лан анализ философских систем стран Древнего мира, чтобы выявить специфику, присущую каждой цивилизации.

В заключение отметим, что история управленческих революций не закончилась древним периодом. Она получила дальнейшее развитие в Средневековый период, оптимизировалась в эпоху Возрождения и реализовалась в менеджменте Великой индустриальной революции XVIII–XIX вв., которая стимулировала развитие европейского капитализма. Однако об этом пойдёт речь в последующих статьях.

Следует отметить, что основные культурно-исторические типы философии так или иначе были связаны с кардинальными изменениями в управленческой деятельности, оказали и продолжают оказывать значимое влияние на её развитие, в том числе в политической сфере.

Подобно тому, как в древние времена фундаментальные (прежде всего – нравственные) основы управления зачастую искажались в рамках некоторых философских систем, так и в наши дни рационалистические основания управленческой деятельности в политической сфере часто подавляются волюнтаризмом и субъективизмом. История не знает иного способа за-

щиты от такого рода опасности, кроме изучения классики мировой философской мысли в её историко-политическом развитии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Герейханов Г.П. Философско-методологические проблемы управленческой деятельности: учебное пособие. – М.: Издательство Пограничной академии ФСБ России, 2010. – 303 с.
2. Коновалов В.Н. Политология. Словарь. – М.: РГУ, 2010. – 285 с.
3. Ланцов С.А. Политология. – СПб.: Питер, 2011. – 544 с.
4. Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом. А.А. Грицанов, 1999. – 896 с.
5. Политическая наука: Словарь-справочник / Авт. и сост.: Санжаревский И.И. – М., 2010. – 988 с.
6. Сатисчандра Чаттерджи, Дхирендрамохан Дата. Древняя индийская философия / Пер. с английского; под ред. В.И. Кальянова. – М.: Иностранная литература, 1954. – 416 с.
7. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. – М.: Высшая школа, 1991. – 512 с.
8. Чичерин Б.Н. Политические мыслители древнего и нового мира. – М.: Гардарики, 2001. – 336 с.
9. Ярмук Ю.В. Политические решения: теория и технологии. – М.: Перспектива, 2005. – 242 с.

УДК 740

Петров А.В.*Московский городской университет управления Правительства Москвы*

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ЭТНИЧЕСКИХ МИГРАНТОВ И РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Сегодня, в условиях нарастающих миграционных потоков, адаптация мигрантов становится важнейшим элементом поддержания потенциала экономического развития, предотвращения социальной напряжённости и сохранения стабильности в г. Москве. Анализ приведённых в статье статистических данных позволяет показать, что именно система образования является ключевым институтом социокультурной адаптации и снижения рисков социальной безопасности в целом. Образовательные программы, предлагаемые государственными органами и общественными организациями, имеют приоритетное значение в системе самоидентификации мигрантов.

Ключевые слова: адаптация, социальная адаптация, идентификация, социокультурная идентификация, миграция, миграционная политика, этнокультурная ситуация, образование.

A. Petrov*Moscow City Government University of Management*

THE PROBLEMS OF ETHNIC MIGRANTS' SOCIO-CULTURAL ADAPTATION AND THE ROLE OF EDUCATION IN THIS PROCESS

Abstract. Nowadays under the conditions of growing migration flows migrants adaptation is a crucial element of maintaining the capacity of economic development, preventing social tensions and preserving stability in the city of Moscow. The analyzed statistics allows of concluding that it is the educational system that is a key institution of socio-cultural adaptation and social security risk reduction. Educational programs offered by the state bodies and public organizations are of top priority in the system of migrants' self-identification.

Key words: adaptation, social adaptation, identification, socio-cultural identification, migration, migration policy, ethno-cultural situation, education.

Процесс социокультурной адаптации мигрантов в нашей стране в целом и в г. Москве в частности развивается противоречиво и неоднозначно. В немалой степени это обусловлено изменениями, которые происходят в сознании переселенцев. Ощущение оторванности от исторической родины, осознание культурных различий, страх перед ассимиляцией, мучительные переживания смены професси-

онального, социального и правового статусов – факторы, которые отрицательно влияют на социально-психологическое самочувствие мигрантов.

Российский социум создаёт свою специфическую систему ценностей, выражающую доминирующие интересы, цели, принципы этого общества. Ценности, являясь источником и основой установления социокультурной идентификации, играют важную роль в формировании личности – члена соци-

© Петров А.В., 2014.

ума. Движущей силой развития современной личности является идентификация с культурными символами эпохи. Установление такой идентификации не есть некая естественная данность или само собой разумеющаяся сущность трансцендентального единства с миром культурных норм и ценностей. Понимание системы ценностей принимающего общества позволяет индивиду занять определённую позицию, обрести точку зрения, дать оценку. Ценности мотивируют деятельность и поведение человека в той степени, в какой его ориентация в обществе, стремление к достижению отдельных целей соотносится с общественными нормами.

На характер и степень социокультурной идентификации личности оказывают влияние следующие факторы: система ценностей общества как конкретно-исторические представления об «идеальном» человеке и обществе, о назначении человека и т. д.; мера освоенности человеком мира, степень его изученности; природно-культурная среда, «общественное бытие», в котором развивается жизнедеятельность человека и формируются его потребности. При этом имеет место тесное взаимодействие данных факторов, так как все внешние влияния на индивида преломляются через его сознание.

Направленность этнических субъектов на принятие и интерпретацию ценностно-смысловых норм принимающего сообщества способствует становлению у них ценностной ориентации. Закладывается основа для дальнейшего развития собственной активности этноиндивида в присвоение ценностей.

Организация диалогового взаимодействия позволяет говорить о

приобщении этнических мигрантов к достижению высшего уровня формирования ценностной ориентации. Такой диалог между этническими мигрантами и принимающим обществом невозможен без создания всеобъемлющей и доступной образовательной среды.

Особенности и проявления социокультурной идентификации личности находят отражение в меняющихся целях, принципах отбора и в специфике построения образовательной среды, направленной на интеграцию и адаптацию этнических мигрантов в принимающее общество.

1. Некоторые аспекты обоснования необходимости социокультурной адаптации этнических мигрантов.

Достаточно динамично развивающаяся экономика России, особенно на фоне других стран СНГ, делает её привлекательным местом для заработков и проживания миллионов граждан не только государств Содружества, но и дальнего зарубежья. Трудовая миграция в Россию из сопредельных государств – объективный социально-экономический процесс, так как миграционные потоки всегда были направлены в сторону территорий с более высоким уровнем жизни и меньшей безработицей. Кроме того, важным объективным фактором, определяющим ближайшую и среднесрочную перспективу трудовой миграции в Россию, считается неблагоприятная демографическая ситуация в нашей стране.

Согласно расчёту *Федеральной службы государственной статистики о перспективной численности населения до 2030 года* (высокий и средний варианты), учитывающему результаты *Всероссийской переписи населения* и

динамику демографических процессов последних лет, численность населения страны на начало 2025 г. составит **143,25 – 149,17 миллиона человек** [5].

По данным ФМС, за 2012 г. в Российскую Федерацию въехало 15,9 миллионов иностранцев (за 2011 г. – 13,8 млн.). За первые два месяца 2013 г. в нашу страну въехало 3165746 человек [6], из чего следует, что динамика роста очевидна.

По разным экспертным оценкам больше всего в России граждан Узбекистана – около 2,3 млн. На втором месте – граждане Украины (1,4 млн.), затем – Таджикистана (1,1 млн.), Азербайджана (620 тысяч) и Киргизии (540 тысяч).

Китайцев в России чуть более 200 тысяч, немцев – более 300 тысяч, американцев – около 200 тысяч, британцев – чуть более 150 тысяч.

Эта статистика не позволяет вывести точное число иностранцев, работающих в России как легально, так и нелегально, но даёт возможность сделать приблизительную оценку.

Следует отметить, что при переписи населения 2010 года не были полностью учтены нелегальные мигранты (из Средней Азии и Закавказья).

По данным Федеральной миграционной службы России в нашей стране проживают и трудятся около 4,5 миллионов нелегальных мигрантов. Об этом сообщил 21 марта 2012 г. глава ФМС Константин Ромодановский в своём выступлении на «правительственном часе» в Совете Федерации [1].

По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года Росстата в Москве проживало 11 503 501 человек (см. табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав населения Москвы согласно переписям населения 1926–2010 гг.

национальность	1926 г.	%	1939 г.	%	1959 г.	%	1979 г.	%	1989 г.	%	2002 г.	% от всего	% от указавших национальность	2010 г.	% от всего	% от указавших национальность
Всего	2017141	100,00 %	4137018	100,00 %	5085581	100,00 %	7931602	100,00 %	8875579	100,00 %	10382754	100,00 %		11503501	100,00 %	
Русские	1771690	87,83 %	3614430	87,37 %	4507899	88,64 %	7146682	90,10 %	7963246	89,72 %	8808009	84,83 %	88,38 %	9930410	86,33 %	91,65 %
Украинцы	16082	0,80 %	90479	2,19 %	115489	2,27 %	206875	2,61 %	252670	2,85 %	253644	2,44 %	2,55 %	154104	1,34 %	1,42 %

Окончание таблицы 1 на с. 40

Киргизы	Молдаване	Таджики	Узбеки	Грузины	Белорусы	Евреи	Азербайджанцы	Армяне	Татары	национальность
85	365	19	361	2025	13161	131244	224	6369	17076	1926 г.
0,00 %	0,02 %	0,00 %	0,02 %	0,10 %	0,65 %	6,51 %	0,01 %	0,32 %	0,85 %	%
77	310	184	659	4251	24952	250181	677	13682	57687	1939 г.
0,00 %	0,01 %	0,00 %	0,02 %	0,10 %	0,60 %	6,05 %	0,02 %	0,33 %	1,39 %	%
	1160	1005	2478	6365	34370	239246	2528	18379	80489	1959 г.
	0,02 %	0,02 %	0,05 %	0,13 %	0,68 %	4,70 %	0,05 %	0,36 %	1,58 %	%
1173	3972	1221	4222	12180	59193	222900	7967	31414	131328	1979 г.
0,01 %	0,05 %	0,02 %	0,05 %	0,15 %	0,75 %	2,81 %	0,10 %	0,40 %	1,66 %	%
3044	6997	2893	9183	19608	73005	174728	20727	43989	157376	1989 г.
0,03 %	0,08 %	0,03 %	0,10 %	0,22 %	0,82 %	1,97 %	0,23 %	0,50 %	1,77 %	%
4102	36570	35385	24312	54387	59353	79359	95563	124425	166083	2002 г.
0,04 %	0,35 %	0,34 %	0,23 %	0,52 %	0,57 %	0,76 %	0,92 %	1,20 %	1,60 %	% от всего
0,04 %	0,37 %	0,36 %	0,24 %	0,55 %	0,60 %	0,80 %	0,96 %	1,25 %	1,67 %	% от указавших национальность
18736	21699	27280	35595	38934	39225	53145	57123	106466	149043	2010 г.
0,16 %	0,19 %	0,24 %	0,31 %	0,34 %	0,34 %	0,46 %	0,50 %	0,93 %	1,30 %	% от всего
0,17 %	0,20 %	0,25 %	0,33 %	0,36 %	0,36 %	0,49 %	0,53 %	0,98 %	1,38 %	% от указавших национальность

Интересны также и следующие цифры¹:

Таблица 2

**Квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу
в Москве в 2008-2013 гг. (в единицах)**

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Квота на начало года	750000	244309	392157	250000	128803	136384	101546
Квота на конец года		594886	392157	250000	181336	209513	

Для Москвы квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу на 2013 г. составляет 101546 человек. Приведённые в таблице 2 данные свидетельствуют о том, что квота на привлечение иностранных граждан в г. Москве с 2008 г. неуклонно снижается. Вместе с тем на конец 2012 г. число привлечённых иностранных граждан в г. Москве составило более 200 тыс. человек.

Мэр г. Москвы С. Собянин, подводя итоги 2011 г. на пресс-конференции, заявил, что примерно столько же (т. е. около 200 тыс. чел.) иностранных мигрантов работает в столице нелегально [4].

Это наносит серьёзный ущерб городской казне и способствует усилению криминогенной ситуации в Москве. На заседании коллегии ГУ МВД России по городу Москве 19.07.2012 г. было отмечено, что более половины раскрытых преступлений совершено приезжими – как иностранцами, так и мигрантами из других регионов России. Из них на долю граждан стран ближнего зарубежья приходится более 4 тыс. преступлений, в том числе 1141 – категория тяжких и особо тяжких преступлений.

Согласно данным ФМС в России в общем потоке незаконной миграции, направленном на территорию столицы из стран Содружества Независимых Государств, преобладают выходцы из Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Армении и Киргизии.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 12,3 тыс. преступлений, что на 6,0% больше, чем за январь – март 2012 года, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 10,5 тыс. преступлений (+2,3%), их удельный вес составил 86,0%.

Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства возросло на 8,7% и составило 2,9 тыс. преступлений.

На расширенном заседании коллегии Прокуратуры города Москвы 01.02.2013 г. отмечено, что существенно возросло количество мигрантов, выдворенных из страны за нарушение правил пребывания: в 2011 году было выдворено 7 тыс. человек, в 2012 году – более 10 тыс. человек.

Однако следует отметить, что по неофициальным данным в Москве проживает 2 млн. мигрантов, большая часть из которых не зарегистрирована, и это число составляет около 20% от

¹ Источник: официальные данные Министерства труда и социальной защиты РФ.

общего населения города. В общемировой практике критичным для коренного населения считается порог в 10%.

И если легальная миграция приносит государству благо, то нелегальная является питательной средой для коррупции, эскалации криминогенных (в том числе и этнических) процессов, как в отношении коренных жителей, так и в отношении самих мигрантов, источником постоянной социальной напряжённости.

На заседании *Общественно-консультативного совета (ОКС) при УФМС России по г. Москве* 07.06.2012 медиками столицы было высказано мнение о том, что эпидемиологическая обстановка в Москве внушает ужас. Если не принять мер, к **2020 г.** Москва будет тратить на лечение иностранных гастарбайтеров **20% бюджета**, выделенного на здравоохранение, а заболеваемость среди мигрантов **в 20–30 раз** превысит среднероссийскую. Количество поддельных справок, приобретаемых мигрантами, скоро будет **более 60%**.

Трудовая миграция для нашей страны есть объективная необходимость. Однако привлечение внешних трудовых мигрантов требует более внимательного и взвешенного подхода со стороны государства. Миграционная политика и принимаемые нормативные правовые акты до недавнего времени отличались крайностями: либо полная либерализация внешней миграции и взятие на себя непомерных обязательств перед мигрантами (этим «грешили» первые редакции законов «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах»), либо чрезмерное ужесточение позиции государства по отношению к мигрантам и вследствие этого нарушение прав человека.

К тому же, нередко принимались сиюминутные, непоследовательные нормативные акты, что требовало внесения изменений в недавно принятые акты. На это указывает, например, даже название закона «Федеральный закон от 6 января 2007 г. №2-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации” и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”».

Результатом системного подхода к вопросам миграции стала принятая 13 июня 2012 г. *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года*. Утверждённая Концепция представляет собой систему взглядов на содержание, принципы и основные направления деятельности Российской Федерации в сфере миграции, в ней определяются цели, принципы, задачи, основные направления и механизмы реализации государственной миграционной политики Российской Федерации. Исключительно ценно то, что в ней признаётся «положительный потенциал, заложенный в миграционных процессах», что «привлечение иностранных работников является необходимостью для дальнейшего поступательного развития страны», прямо указывается на то, что «миграционная привлекательность России невысока и распространяется преимущественно на граждан государств-участников СНГ», так что стратегической задачей является повышение этой привлека-

тельности; откровенно признаётся, что «нарастание негативного отношения к мигрантам» и «изоляция мигрантов от принимающего социума» является непосредственным результатом отсутствия государственного внимания к интеграции и адаптации мигрантов.

Проект плана реализации первого этапа Концепции миграционной политики до 2015 года был утверждён *Распоряжением Правительства РФ от 21 августа 2012 г. №1502-р* [2].

2. Социокультурная адаптация мигрантов и роль образования в этом процессе.

Масштабность миграционных процессов в современном обществе и значимость тех социальных перемен, которые ими привносятся в экономическую, политическую, социокультурную жизнь страны, принимающего общества, без сомнения, требуют внимания к их всестороннему исследованию.

Изучение миграции в рамках дисциплинарных границ демографии, социологии, антропологии, истории, политологии, психологии и других наук, по сути дела, фрагментарно и не может представить целостную теоретическую концепцию.

Понимание миграции сегодня обращено к широкому классу социальных явлений и характеризуется многофакторностью процессов её развития во времени и пространстве современного социума.

Исторически увеличение трудовых ресурсов на основе миграции означало возрастание продуктивной силы, но это должно сочетаться с внутренней интеграцией жизни общества, когда позиции мигрантов взаимно сочетаются с жизненными установками других

членов общества. Известная антитеза «онтологии города» и «онтологии всадника (переселенца)» обнаруживает резкий конфликт с городской цивилизацией: «новоявленные» группы людей (пришельцы) не уживались, а уничтожали город как культурное образование неумением жить в нём, приспосабливаться к его формам и нормам.

Социальные изменения и личностные преобразования, обусловленные как проблемами иммигрирующих в новый социум, так и их восприятием теми, кто его представляет, порождают конфликт «чужих» и «своих». Миграция и пребывание в иной социокультурной среде оказывает системное воздействие на личность этноиндивида и ставит его перед необходимостью адаптации к новым жизненным условиям. Там, где этномигранты рассматривают принимающую сторону преимущественно как экономический ресурс, а не как среду обитания, возникает напряжение социального поля. Следовательно, важнейшей характеристикой эффективности миграционной политики является уровень взаимодействия мигрантских этнообщин и принимающего населения, который зависит от стратегии как общества и его различных институтов, так и самих мигрантов.

Социокультурная адаптация относится к совокупности внешних поведенческих следствий связи индивидов с их новой культурной средой. Социокультурная адаптация определяет способность «соответствовать» или эффективно взаимодействовать с новым культурным окружением. Она связана с приобретением социальных навыков, соответствующих новой культурной среде, которые в результате дают

возможность решать социокультурные проблемы в повседневной жизни. Другими словами, это количество и качество связей с местным населением, знание языка и особенностей новой культуры и т. д.

Важным фактором и естественным механизмом, влияющим на процесс социокультурной адаптации этнических мигрантов, является образование, как инструмент гармонизации межэтнических отношений.

По различным оценкам в школах Москвы в **2012 г.** обучалось **от 4 до 10%** детей мигрантов, а по прогнозам на **2030 г.** таких детей в российских школах будет **около 30%**.

Образование занимает особое место и в новой Концепции государственной миграционной политики РФ.

Приоритет отдаётся привлечению в нашу страну квалифицированных иностранных работников на долгосрочной основе с продолжительным или постоянным сроком их проживания в стране. Поставлены задачи «использования миграционного потенциала системы образования» как «источника квалифицированных и интегрированных в стране иностранных граждан», содействия повышения уровня образования мигрантов и членов их семей, преодоления антииммиграционных настроений в обществе, а также предотвращения её питательной среды – незаконной миграции. Намечена линия на увеличение контингента обучающихся из числа иностранных граждан, преимущественно из стран СНГ, совершенствование образовательными учреждениями условий их подготовки. Предусматривается упрощение правил переселения иностранных граждан в Россию и создание ус-

ловий для семейной иммиграции и обучения детей в школе.

В специальном разделе Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года ориентирует на осуществление программных шагов в области культурно-языковой и социальной адаптации и интеграции всех категорий мигрантов, в том числе на необходимость знания ими русского языка, истории и культурных традиций, соблюдение правовых норм страны пребывания. Одновременно указывается на важность взаимной адаптации и «создания программ по формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом».

Задача обучения зарубежных мигрантов русскому языку имеет не только «местное» значение, она значима и с геополитической точки зрения. Ведь даже если часть мигрантов, использовавших Москву и Россию как плацдарм для заработка, уедут на родину или в третью страну, они, тем не менее, сохранят определённые, пусть небольшие, знания о России. Через язык социокультурная адаптация идёт наиболее быстро.

Немаловажно и знакомство трудовых мигрантов с основами российской истории и культуры, законами России и нормами повседневного общения в быту, в целом – формирование у них социальных компетенций, необходимых для успешной адаптации к жизни в России и Москве.

Причины высокого уровня раздражения и потенциальной конфликтности по отношению к трудовым мигрантам во многом обусловлены отсутствием у них элементарных понятий о правилах поведения в обще-

ственном транспорте, в магазине, на улице. Интеграция для самих мигрантов – это и возможность защитить свои права в трудовых и бытовых отношениях, и умение уйти от конфликта, и шанс получить более высокооплачиваемую работу и стабильное существование.

По отношению к трудовым мигрантам в России, прежде всего, следует добиваться общих правил этико-культурной воспитанности (шире – деятельности), которые предполагают, во-первых, механическую, или «заученную», моральность в виде элементарного выражения приветствий, знаков внимания, вербальных реакций в типичных ситуациях общения, во-вторых, стереотипную моральность как полуавтоматическое исполнение общепринятых норм и образов поведения, культурные привычки, формы коммуникации, наконец, убеждённую моральность как достижение личностью внутреннего понимания нравственных принципов и идеалов, ценностных ориентаций на уровне самосознания [3].

При изучении российской культуры и истории крайне важно сформировать у зарубежных мигрантов адекватное представление об основах православия и о христианской морали, оказавших сильное влияние на менталитет русского народа. Наряду со знанием о православии, важно, чтобы мигранты понимали, что они прибыли в многоконфессиональную страну, где издавна бок о бок уживаются разные религии и культуры. При этом Россия остаётся светским государством, поэтому, при всём уважении к верующим людям, не поощряется излишнее проявление религиозных чувств.

Для решения названных задач по социокультурной адаптации мигрантов крайне важно создать в московском мегаполисе «адаптационную инфраструктуру» – сеть учреждений или центров, где бы мигранты могли получить необходимую «образовательную» и «информационно-просветительскую» помощь, консультации социальных работников, психологов и юристов. Зарубежный опыт показывает, что подобные центры обычно создаются при официальных государственных учреждениях, занимающихся регистрацией мигрантов, при этом их бюджет лишь на небольшую часть зависит от государственного финансирования.

Адаптационная инфраструктура – сеть образовательных учреждений, реализующих программы языковой и социально-культурной адаптации, – нужна не только тем трудовым мигрантам, которые занимают низко- и среднеоплачиваемые должности. Практика показывает, что иностранным работникам, имеющим высокую квалификацию, также зачастую негде изучать русский язык, знакомиться с обычаями, культурой и историей принимающей их страны. Ожидается, что доступные комплексные образовательные услуги по языковой и социально-культурной адаптации в Москве в ближайшее время будут весьма востребованными. Особенно это касается предложений по изучению русского языка с учётом терминологии и понятийного аппарата, используемого в той или иной сфере экономики.

Привлечь зарубежных мигрантов, проживающих в Москве, к участию в изучении государственного языка и адаптационных программах непросто.

Один из возможных путей установления контактов и взаимодействия с семьями мигрантов лежит через различные образовательные учреждения – детские сады и школы, где, как говорилось выше, учится немало детей-мигрантов.

Сейчас много говорится о создании системы организованного набора иностранных работников на основе соглашений, заключённых между Правительством Москвы и рядом стран СНГ.

Многое ещё предстоит сделать для комфортной социокультурной адаптации прибывающих в Россию и Москву мигрантов. Без целенаправленной работы по обучению государственному языку, социальной и культурной адаптации мигрантов в городе и стране будет трудно сохранить межнациональный мир и согласие, социальную безопасность в обществе. Немаловажно при этом учитывать и то, что такая деятельность способствует формированию положительного имиджа Москвы и России во всём мире.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственная Дума РФ. Стенограмма заседания 21 марта 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3599/> (дата обращения: 08.02.2014).
2. Информационно-правовой портал «Гарант». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70118234/> (дата обращения: 08.02.2014).
3. Метелев И.С. Социальная этика и миграционный опыт // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». – 2010. – № 12.
4. Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mos.ru/press-center/news/index.php?id_4=20235&id=27 (дата обращения: 08.02.2014).
5. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn1.htm (дата обращения: 08.02.2014).
6. ФМС России. Официальные статистические данные. Сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2 месяца 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/62177/> (дата обращения: 08.02.2014).

РАЗДЕЛ III.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ И ИСТОРИИ ДРУГИХ ФИЛОСОФСКИХ ДИСЦИПЛИН

УДК 1(09)

Бондарева Я.В.

Московский государственный областной университет

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: АНТИНОМИЯ СВОБОДЫ И ДЕТЕРМИНИЗМА

Аннотация. Анализ идеи свободы приводил отечественных философов к различным выводам о её происхождении, структуре и функциях. Некоторые видели в свободе хаотическое, негативное начало и противопоставляли свободу провиденциализму и положительному детерминизму. Другие усматривали в свободе не личностные, но родовые, общечеловеческие характеристики, переходя, таким образом, на качественно новый уровень персонализма. Однако все мыслители сходились в понимании свободы как необходимого условия полноты бытия личности, как важнейшей антропологической величины, посредством которой измеряется степень возрастания добра и зла.

Ключевые слова: свобода, детерминизм, всеединство, личность, воля.

Y. Bondareva

Moscow State Regional University

RUSSIAN RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY: ANTINOMY OF FREEDOM AND DETERMINISM

Abstract. The analysis of the idea of freedom used to result with Russian philosophers in various implications about its origin, structure and functions. Some considered freedom a chaotic, negative source and opposed it to providencialism and positive determinism. Others recognized in freedom not personal, but patrimonial, universal characteristics, a spiral movement to a qualitatively new level of personalism. Having said that, all thinkers were unanimous in understanding freedom as a required condition of personal life completeness, a major anthropological value by means of which the good and evil are measured.

Key words: freedom, determinism, all-unity, person, will.

Начиная с XI в. отечественная мысль напряжённо осмысливала категорию свободы и связанные с ней понятия – *воля, вседозволенность, хаос, детерминизм, ответственность*. Но лишь вторая половина XIX в. демонстрирует сложившиеся философские трактовки свободы и связанных с ней парадоксов.

Так, опираясь на определение *безусловной свободы* Фомой Аквинским как беспрепятственного, ничем извне не ограниченного осуществления Себя самого, С.Л. Франк пришёл к выводу, что общая идея свободы состоит в том, что она есть неподчинённость воздействию извне, действие из себя самого, самоосуществление [7, с. 373]. При этом свобода понимается совсем не как возможность чего угодно, вседозволенность, но, напротив, тесно сочетается с необходимостью, и, более того, сама является необходимостью: именно внутренней необходимостью как определённой самим собой. Она противопоставляется только рабству, принуждённости извне. Здесь становится очевидной несовместимость принципа свободы с идеей греха: ввиду того, что свобода есть самоосуществление, она может быть устремлена только к добру. И, напротив, в грехе С.Л. Франк усматривал несвободу, «пленённость» человека, вызванную слабостью его воли и приверженностью страстям.

Философ взялся вскрыть источник этой «тёмной» силы и пришёл к тому же выводу, к которому в своё время пришла средневековая немецкая мистика: этот источник находится в «чистой безосновности» (Ungrund), обладающей разрушительным динамизмом и в религиозном сознании отождест-

вляемой с дьяволом. При этом мыслитель, осознавая недостаточность подобного объяснения, опирался на апофатический принцип, отделяющий постижимое от непостижимого, и призывал безоговорочно принять существование Абсолюта в качестве фундаментального допущения.

Вместе с наличием Абсолюта С.Л. Франк призывает принять в качестве такого допущения и изначальное существование хаотической стихии в человеческой душе. Ослабляя связь души с первоисточником личностного начала в ней, т. е. с Абсолютом, хаотическая стихия сводит на нет творческую свободу самоосуществления, направляя личность по пути возвеличивания собственного «я», за что человек и должен нести нравственную ответственность.

Именно поэтому философ углублялся в анализ структуры свободы личности с целью отыскать пути ограждения жизни от зла и преодоления греха. Исходя из двойственной природы человека, как, с одной стороны, носителя священного начала, а с другой – стремящегося к самостоятельному «мирскому» существованию, С.Л. Франк выделял два типа свободы воли: так называемую автономную волю, выражающую связь с Абсолютом, и «самочинную», «греховную» волю, разрушающую внутреннюю гармонию человека. Парадокс заключается в том, что самочинная воля является онтологически беспочвенной, но всё же реально существующей, что даёт ей возможность смешиваться с онтологически укоренённой богоданной автономной волей. Именно это смешение образует сущность человеческого бытия, в результате чего жизнь личности превращается в неразделимое соче-

тание свободного стремления к добру с невольным впадением в грех, детерминированным эмпирическим бытием.

Парадоксальность соотношения этих разнонаправленных волевых векторов со всей очевидностью проявляется в разных сферах человеческого бытия – как личного, так и коллективного. Философ находил эти проявления в усилиях личности контролировать свою жизнь посредством совести, развивая в себе именно духовное начало. В социуме эти проявления соответствуют, по мнению философа, разделению между сферой технического, организационного устройства жизни (государства, хозяйства, права), и сферой духовной культуры как коллективного проявления духовной сущности человека (искусством, наукой, философией, религией). Техническая, или государственно-правовая, составляющая зачастую преобладает, привнося характер внешности и принудительности в борьбе со злом (например, посредством внушения страха или стыда перед общественным мнением), что уже является нарушением свободы личности. Законы и государственная власть в своём организационно-принудительном устройстве устремлены, как правило, к построению целесообразного общественного порядка, но забывают об идее справедливости и моральной правомерности.

Свобода личности, таким образом, определялась С.Л. Франком как автономная сфера, не приемлющая никакого внешнего организационного принудительного вмешательства. Противоречивые отношения личности с государственно-правовой сферой определяют последнюю лишь ограничителем свободы действий личности

с целью ограждения жизни от негативных последствий «самочинной» свободы, что, конечно же, не решает вопроса внутреннего перевоспитания человека. Возможность духовного наставничества философ признавал за другой коллективной организацией – церковью, но не как принудительной теократией, а как символического отражения абсолютного начала.

Другой отечественный философ, Н.О. Лосский посвятил проблеме свободы фундаментальное сочинение «Свобода воли». Считая личность центральным онтологическим элементом мира, мыслитель видел в свободе необходимое условие совершенства и полноты бытия. Н.О. Лосский в своём анализе идеи свободы обогатил её новыми понятиями. Одним из них стало «динамистическое понятие причинности», согласно которому возникновение всякого события является творческим актом человека, не вынуждаемым никакими внешними условиями. Другими словами, всё, что происходит и находится вне человека, может быть только поводом для проявления его творческой активности, но не может быть причиной тех изменений, которые происходят в нём. Следовательно, человек детерминирует события, но не детерминируется ими.

Вместе с тем, рассматривая свободу как существенное условие совершенства и полноты бытия, Н.О. Лосский видел в ней и условие возможности зла в мире. Здесь философ разрабатывал идею целеустремлённости человека, разное понимание им «полноты бытия», к которой он устремлён. В свободном стремлении к абсолютной полноте бытия человек удостоивается обожения, и, напротив, в попытках до-

стигнуть полноты бытия в деятельности исключительно по своему плану он отдаляется от божественного начала в своём эгоцентризме.

Торжество зла, таким образом, признаётся Н.О. Лосским следствием «себялюбия», неправильного использования человеком своей свободы. Впрочем, связь свободы с возможностью зла, и тот факт, что существование зла является следствием злоупотребления свободой, вовсе не подвигают философа отказаться от свободы ради автоматического осуществления добра, ради торжества всеобщего детерминизма. Ведь только абсолютное добро как следствие свободы и может стать источником и условием индивидуального свободного творчества. Ранее эта же мысль звучала у Ф.М. Достоевского («Братья Карамазовы»), вложенная в уста Инквизитора, который обратился к Иисусу Христу с призывом освободить человека от тягостного груза свободы, дав вместо него твёрдый древний закон и гарантию искупления грехов.

Но, как видим, для Н.О. Лосского беспочвенность требований «инквизиторов» очевидна, так как выбора между тем, создавать ли людей свободными или несвободными, не может быть, поскольку мир как сотворённое бытие могут населять только существа, наделённые творческой силой – силой сверхкачественной, а значит – свободной. Поэтому выбор возможен лишь между двумя путями – «или вовсе не творить мира, или создать мир, в котором возможно (однако не необходимо) возникновение зла» [4, с. 361].

Очевидно, что для С.Л. Франка и Н.О. Лосского преодоление зла и греха возможно только при индивидуаль-

ных усилиях воли, но Е.Н. Трубецкой, напротив, доказывал возможность борьбы с ними только «общими условиями мирового строя» [6, с. 157]. Не анализируя подробно структуру свободы личности, мыслитель сосредоточился на общечеловеческих, родовых характеристиках свободы и пришёл к выводу о невозможности для отдельного индивида исправить самостоятельными усилиями своей воли ложную этическую направленность предшествующих поколений. При этом философ всё же настаивал на необходимости свободного, самостоятельного самоопределения воли человека, устремлённого к Абсолюту, что представляет собой синергетический акт, ведущий к обновлению и перерождению человека.

С религиозно-философских позиций идею свободы изучал и В.И. Несмелов. Определяя личность в нравственном ключе, философ видел её начало в осознании своей ценности и свободного начала, что выражается в «свободном самоопределении личного существа к разумной деятельности в мире» [5, с. 197]. Наличие свободы как онтологической основы человека даёт ему возможность выбора: либо реализовывать в себе эту личность, и тогда он становится на путь творчества в мире, либо оставаться в рамках эмпирического, природного мира и существовать в качестве «человека-вещи» на уровне рассудочного мировоззрения, детерминированного обстоятельствами. Исходя из этого, философ трактовал зло как подчинение души «механической причинности», однако и в этом негативном акте личностного бытия В.И. Несмелов видел реальность свободы.

Из факта неустрашимости свободы философ сделал вывод о невозможности исторического детерминизма, напротив – он подчёркивал то, что свобода определяется исключительно метафизическим, недетерминированным бытием. Исходя из принципа трансцендентности, В.И. Несмелов доказывал, что истинная свобода безусловна, т. е. находится вне условий, интересов и целей физической жизни.

Оригинальная трактовка принципа свободы была осуществлена в рамках софиологической концепции С.Н. Булгакова. Философ раскрывал сущность свободы в тесной связи с проблемой зла, исходящей из «ничто» как «хаотизирующей силы». Эта, уже не новая для русской философии мысль, почерпнутая из немецкого мистицизма, парадоксальным образом уживалась у С.Н. Булгакова с идеей «софийности» космоса, а также с предположением, что зло совершается лишь в низшем центре софийной жизни. Однако признание философом факта, что бытие в его свободе «не софийно», сводит на нет софиологический детерминизм, гарантирующий, что в «конце истории» наступит «царство свободы».

Поэтому С.Н. Булгаков, как и С.Л. Франк, вынужден признать двойственность в содержании свободы: с одной стороны, свобода человека к самоопределению в сочетании с его природностью становится основой зла, а с другой – свобода, преодолевающая эту природность и «самость», может помочь миру прийти к истине. Но даже при этой антиномической трактовке двуполюсности свободы философу пришлось достаточно потрудиться, чтобы объяснить, во-первых, парадоксальное сочетание софийного начала

в истории и её детерминизм с началом свободы в человеке, и, во-вторых, смысл и пути осуществления человеческой свободы как таковой.

Анализируя сущность свободы, С.Н. Булгаков исходил из не совсем обоснованного положения о «формальной беспредельности» человеческой свободы, возносящей личность на ступень божественности. Эта свобода оказывается ограниченной лишь божественным «инобытием», находясь «на грани нашего бытия», т. е. какой-то своей частью участвуя в акте творения личности. При этом вопрос о происхождении самой свободы у С.Н. Булгакова остаётся нерешённым: где-то философ говорит о том, что свобода не возникает и не начинается и не является сотворённой, имея божественную родословную, существуя до природного мира. Где-то, напротив, он обосновывает её тварный характер, так как до и вне творения ничего не существует. Подобная двойственность, очевидно, коренится в сложности софиологической системы С.Н. Булгакова с её положением о двойственном (тварном и божественном) характере Софии, что, в свою очередь, внесло некоторую расплывчатость, недоговорённость и неясность в трактовку идеи свободы.

По справедливому замечанию Г.Л. Бузука и И.И. Семаевой, «каждый из этих философов, создавая собственную оригинальную концепцию, внёс своё понимание в развитие идеи всеединства» [2, с. 36]. Однако важно отметить, что в рамках методологии всеединства идея свободы неизбежно вступает в конфликт с принципом детерминизма. Это наглядно проявляется в позиции философа в вопросе о соотношении свободы и необходимо-

сти, где он различал необходимость историческую и метафизическую. Историческая, внешняя необходимость может быть преодолена актом личностной свободы, но перед необходимостью метафизической, неведомой человеку логикой истории, свобода человека бессильна, ибо историей правит София. Один лишь исторический процесс является прерогативой человеческой свободы, исход же его детерминирован Абсолютом.

Более того, С.Н. Булгаков остался верным известной формуле марксизма и объявил свободу «познанной необходимостью», подразумевая, правда, под необходимостью не закономерности столкновения материальных интересов, а провиденциализм как высшую закономерность истории, путём необходимости ведущую человечество к «высшей ступени бытия». Всеединство фактически блокирует какую бы то ни было возможность участия человеческой свободы в достижении положительных итогов истории, так как «поскольку мир своими бытийными корнями погружён в Бога, он чужд свободе и связанным с ней случаям и неверностям... мир не может совсем не утратить – не может совсем разложиться» [3, с. 205].

В конечном итоге, у С.Н. Булгакова свобода приобретает негативный смысл и становится тормозом мирового развития на пути к своей наивысшей ступени. В словах о том, что свобода есть бунт против Абсолюта, и потому она – онтологическая бессмыслица, что «свободе не дано погубить или даже существенно испортить творение» [3, с. 236] заключается мысль философа о недостаточности одной лишь человеческой свободы в

развитии мира по пути детерминизма к своей вершине. Мыслитель говорит о необходимости синергийного сочетания метафизического всемогущества и человеческой свободы в единое целое для окончательного согласования божественного и человеческого в деле преодоления зла.

В то же время попытки философа примирить «софийную детерминацию» и идею свободы в рамках философии всеединства не всегда удачны. Утверждение С.Н. Булгакова о том, что диалектика человеческой свободы должна слиться с метафизическим бытием через способность индивида преодолеть свою индивидуальность ради последней и высшей свободы, а именно – софийной детерминации как цели, говорит лишь о необходимости принести свободу в жертву детерминации. В таком случае смысл и содержание свободы остаются нераскрытыми. Философу ничего не остаётся, как признать, что ввиду природности человека, его повреждённости первоначальным грехом, проявления свободы в истории антиномичны и драматичны.

Впрочем, «драматичность» как фундаментальную неразрешимость противоречий между свободой и детерминацией можно смело ассоциировать со всей методологией всеединства, которая в исторических, временных рамках оказывается несостоятельной. Более того, философия всеединства – с одной стороны, и трактовка принципа свободы с традиционных позиций христианской культуры, исходящей из креационизма – с другой, находят у С.Н. Булгакова в состоянии обратной пропорции: чем ярче звучит тема «софийной детерминации», тем скуднее раскрывается проблема сво-

боды личности, заменяемой «всечеловечностью», и, напротив, ослабление идеи «софиологического монизма» приводит к более реалистичному пониманию свободы как находящейся вне софийной детерминированности в бытии.

Иначе трактовал проблему свободы Н.А. Бердяев, видя в ней качественное определение каждой личности. Говоря о свободе как сфере онтологии личности, философ доказывал факт совпадения смысла свободы и смысла творчества: «врастание человечества в божественную жизнь есть процесс творческого и свободного волевого устремления» [1, с. 199]. Именно в творчестве проявляется свобода личности, следовательно, чем свободнее творческий порыв, тем он возвышеннее. Это – прорыв за грань здешнего, уродливого, «принудительно-данного» бытия в мир иной, бунт, борьба, сопротивление и освобождение от «тяжести необходимости», природного и социального детерминизма.

Трактуя свободу как торжество над рабством, философ, следуя сложившейся в отечественной мысли традиции, подразделяет её на два вида – свободу негативную, имеющую природное происхождение («свободу от») и свободу в творчестве, имеющую метафизическое происхождение («свободу для»). Именно вторая свобода у Бердяева становится модусом христианского персонализма, ибо её содержанием становятся добро, истина и любовь как фундаментальные ценности христианства.

Таким образом, анализ идеи свободы приводил отечественных философов к различным выводам о её происхождении, структуре и функциях. Кто-то видел в свободе хаотическое, негативное начало и противопоставлял свободу провиденциализму и положительному детерминизму; кто-то, уходя от привычных богословских схем, пытался увидеть глубинные основания свободы через призму амартологии, осмыслить разнонаправленность её векторов; кто-то усматривал в свободе не личностные, но родовые, общечеловеческие характеристики, переходя, таким образом, на качественно новый уровень персонализма. Однако все мыслители сходились в понимании свободы как необходимого условия полноты бытия личности, как важнейшей антропологической величины, посредством которой измеряется степень возрастания добра и зла.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 580 с.
2. Бузук Г.Л., Семаева И.И. Энергичное обоснование идеи единства мира в русской философии XX века // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – № 1. – 2013. – С. 35-45.
3. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
4. Лосский Н.О. Бог и мировое зло. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
5. Несмелов В.И. Наука о человеке: Тома 1, 2. – Казань: Заря-Тан, 1994. – Т. 2. – 314 с.
6. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. – М.: Республика, 1994. – 432 с.
7. Франк С.Л. Реальность и человек. – М.: Республика, 1997. – 480 с.

УДК 1 (092)

Курабцев В.Л.*Московский государственный областной университет***ВОПРОС О ЧИСТОТЕ И ПРАВЕДНОСТИ**

Аннотация. В статье анализируются черты онтологического аспекта чистоты и праведности. Под праведностью понимается постоянное пребывание человека в благочестивом «отношении к Богу» и в добре и справедливости к людям; образ жизни праведного – «путь мира». Обращение к идеальному благу христианских ценностей стало логическим продолжением духовных и философских исканий России. Гуманистический характер христианской морали проявляется в признании абсолютных ценностей, стоящих выше материальных интересов индивида и группы. Статья содержит описание природы чистоты и праведности. Рассматривается идеологическое противостояние духа человеческого разума и духа христианских ценностей – как методологической основы русской религиозной философии. Анализируются черты онтологического аспекта неправедности души. Подчёркивается необходимость радикального (христианского) переосмысления ценностных установок современной России.

Ключевые слова: чистота, праведность, идентификация абсолютных ценностей, неправедность души, дух человеческого разума, онтологический аспект христианских ценностей, духовные искания России, христианская мораль.

V. Kurabtsev*Moscow State Regional University***THE ISSUE OF PURITY AND RIGHTEOUSNESS**

Abstract. The article deals with the ontological features of purity and righteousness. The reference to the ideal good of Christian values became logical continuation of Russia's spiritual and philosophical searches. Humanistic character of Christian morality is revealed in recognition of the absolute values standing above material individual and group interests. The nature of purity and righteousness is described. The author considers the ideological opposition of the spirit of human ratio and the spirit of Christian values as a methodological basis of Russian religious philosophy. The ontological aspect of the unrighteousness of the soul is analyzed and the urgency of radical (Christian) rethinking of modern Russia's values is stressed.

Key words: purity, righteousness, identification of absolute values, unrighteousness of the soul, the spirit of human mind, ontological aspect of Christian values, Russia's spiritual searches, Christian morality.

*Перестаньте вы надеяться на человека,
которого дыхание в ноздрях его; ибо что он значит?*
(Ис. 2, 22)

Идолы

«И наполнилась земля его идолами; они поклоняются делу рук своих и тому, что сделали персты их. И преклонился человек, и унизился муж; и Ты не простишь их» (Ис. 2, 8-9), – так говорил пророк две с половиной тысячи лет назад. Говорил о том, что постоянно происходило, и происходит, и будет происходить. Только вместо золотых, серебряных и железных тельцов – котеджи, компьютеры и дорогие вещи. «И Ты не простишь их»?..

Люди поклоняются себе и своим наслаждениям. *Чистота* для многих – нечто необязательное и случайное. *Праведность* – как мёртвый архетип почти доисторических времён. В почёте «князья»: «князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки, и гоняются за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них» (Ис. 1, 23).

Невежество

У многих дома есть Библия. Но реальные «помышления», слова и жизнь – остались исключительно земными. По сути, это больные невежеством и инвалиды мышления. Или, согласно А.Ф. Лосеву, – люди с «туманным, алогичным и некритическим обывательским мышлением» [5, с. 12]. Их ничто не пугает, и жить они будут вечно. Их не тревожит даже то, что две тысячи лет назад апостол Иуда Искариот, «истинный ученик» Господа Бога, мог стать и стал предателем. «Никто не надейся на самого себя, но будь внимателен к своей жизни» [1, с. 223]. Но у нас в почёте именно надежда на

себя, а внимательность к жизни – не по Писанию, а по *расписанию* (тактическому и стратегическому). Для нас важнее земные статусы, жизненные и профессиональные успехи, хорошие знания, ум, власть, продвижение детей и т. п. А то, что Писание указывает, по преимуществу, на нечто другое, мы не разумеем или забываем об этом. А Оно указывает на «*добрую совесть*», на *веру* и *праведность*. «Да это же из феодальных времён!», – так высказалась одна женщина, доктор философских наук. Наверное, невозможно убедить её ни в каких «феодальных пережитках», тем более – очень несовременных и слишком далёких от её выбора. Например, таких: что вера и «жизнь беспорочная» [1, с. 216] важнее учёности и «языческих добродетелей».

О подобных философах св. Марк Подвижник говорил: «Когда душа покрыта (как покровом каким мрачным) всезлым забвением, пагубным разлением и, материю и питательницею всего злого, неведением; тогда жалкий слепотствующий ум удобно привязывается к каждой вещи видимой, или мысленной, или слышанной» [3, с. 481-482].

Забвение наше названо «всезлым», то есть нас слишком погрузили в школы и университеты, в карьеру и доходы, в суетную индивидуальность и семейные заботы (семейный эгоизм). Наше разленивание названо «пагубным», потому что мы всё находим *здесь*, а *там* ничего не нужно. Наше неведение названо «материю... всего злого», потому что без Бога открываются разно-

образные «широкие» пути, ведущие в ад. «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мат. 7, 13). Почему «многие»? Потому что для них удобнее «широкие врата» – путь беззаботности, облегчённости, удовольствий и духовной лени.

Наш ум назван «жалким» и «слепотствующим» потому, что он кичится (как упомянутая философия), а реально пуст и не зряч. Ум и его носители – это часто всё «гордое и высокомерное и... превознесённое, – и оно будет унижено» (Ис. 2, 12). И этот ум «удобно привязывается» к *любой* вещи, к *любой* истине (как будто высших истин, и, тем более, религиозных истин, – великое множество!). Другая дама, тоже доктор философских наук, с пафосом отстаивала «свободу мышления» и «справедливость», критикуя «засилье» Православия в верхних эшелонах власти, в школе, в СМИ, в праздниках и т. д. («А чем хуже культура и религия маленького северного народа «икс»?»). И, несомненно, чувствовала себя «смелым» мыслителем и борцом за справедливость, – только, на наш взгляд, ничего не понимающим в Православии, в религиях, в судьбе России; не знающим и не понимающим, что есть, помимо вариативных истин, *инвариантные* истины, касающиеся человека, религии и государства. Нельзя, например, историю России представлять как ряд научных альтернатив истории России. И запрятать вечное: Россия – великая (начиная с географии); исторически – со времён князя Владимира – Православная и, по преимуществу, восточнославянская страна. И это нельзя забывать, причём никогда и ни в какие бифуркационные време-

на. Иначе это будет уже не Россия, а как бы Россия, лже-Россия.

Нельзя в очередной раз проигнорировать слова нашего пророка, Ф.М. Достоевского: ««На православное дело» – это чрезвычайно, чрезвычайно важная политическая формула и теперь, и в будущем. Даже можно так сказать, что это **формула нашего будущего**» (*выделено нами.* – В.К.) [4, с. 101].

В то же время «плюралистическое» мышление и его носители часто остаются в своей злой беспочвенности навсегда. Большая часть наших философов, гуманитариев, интеллигентов, часть обычных людей именно такова. Платон сравнивал душу подобных людей с «дырявой бочкой» (Горгий 493 ab), которая, наполняясь, не способна сохранить истинное содержание и наполняется *чем попало*, снова и снова. Впрочем, душевный «фундамент» у них бывает, но чаще – как у упомянутых дам. Об этих людях замечательно сказал св. Григорий Богослов: «Если имеется здесь какой-нибудь злобный и свирепый зверь, т. е. люди неспособные к умозрению и богословию, пусть они яростно не нападают на догматы...» [6, с. 121] – и, добавим, – на национальные традиции, особенно, судьбу.

Люди-дороги, люди-камни и люди-тернии

Кроме того, никто из этих людей не знает, как истинно жить. Зачем, например, нужно смирать тело или очищать душу от скверны. Из «феодалных» времён звучат для них слова: нужно, «чтоб тело смирилось пред душою, а душа покорилась уму и соделалась невестою, чистою от всякой скверны» [3, с. 435]. Как жить, они, в определённой степени, знают феноменально (кон-

кретно-житейски), но ноуменально, то есть по Божьему закону, – не знают. Их онтологию критиковал в гениальной «*Sein und Zeit*» М. Хайдеггер: «...Непрозрачность присутствия¹ коренится не только и не прежде всего в «эгоцентрических» самообманах, но равным образом в незнании мира» [10, с. 146]. Незнание мира – это и незнание Бога и всего сверхъестественного, как светлого, так и тёмного.

Они изучали Платона, но так и не знают Платона, который учил, что часто человек не просто многого не знает, но не знает *самого важного* – не знает духовного, не знает, когда его душа живёт правильно, а когда нет. Не знает, «какой человек счастлив, а какой нет» (Горгий 472 с). То есть истинно не знает ни самого себя, ни людей, ни жизни, и, что особенно важно, – Бога.

Все мы, не знающие или мало знающие Бога, имеем не духовное сердце, не «землю добрую», а сердце как «*дорогу, или камень, или терние*» (*курсив наш.* – В.К.) [1, с. 65].

Как дорога не принимает семени, так и «жестокосердые» не принимают христианства. Их природа скорее зла и агрессивна, в их сердце нет милости, а есть требовательность и суровость, приказ и проверка исполнения. Мир и незлобие кого-либо, даже в ответ на унижения и оскорбления, им кажутся слабостью и безволием; трусостью и неудачей. Они презирают людей тишины и мира, презирают долгие поклонения Богу, нередко – и «ленивых тунеядцев» (так они могут понимать служителей Бога) (вспомним рассказ

¹ Хайдеггеровское *Dasein* (нем. экзистенциальное Здесь-бытие человека; присутствие) – когда человек *жив* экзистенциально-онтологически и так же понимает себя и своё временное место в мире.

Н.А. Бердяева в «Самопознании» о своём отце-генерале, который в Киеве с палкой гонялся за монахами). Жестокосердым близок не «Сын мира», а «реальность» с её борьбой и победами. Демон злобы им природно (и метафизически?) ближе, чем Святой Дух незлобия. Не таким ли воспитал себя Фридрих Ницше и все ему близкие? Не таковы ли оказались многие большевики?

Как тверды камни, так тверды и сердца некоторых из нас: упорных атеистов, умничающих скептиков и плохо ищущих агностиков, которые с твёрдостью прогоняют сомнения и держатся внушённого «знания» или очевидного поверхностного представления о мире. Они готовы за это представление едва ли не жизнь отдать, или уничтожить противника, или «посвятить себя» чему-либо, далёкому от Бога. Они иногда бывают даже похожи на сторожевых собак, готовых растерзать того, кто притязает на их «знание». Это, по сути, демонизированные личности, которых людям не переубедить и которые могут поддаться только Высшей Силе.

Как тернии подавляют хорошие семена, так и многие из нас «подавляются заботами житейскими», заботами о доходах и тому подобным. Таких людей в современном мире особенно много. Соблазны для бедного человеческого сердца мощны и многочисленны. Земные заботы у каждого достаточно обширны, а часто и тяжки – деньги, жильё, создание хорошей семьи, забота о семье, здоровье; необходимые вещи, профессиональный рост, успехи и т. д. И они могут не только отодвинуть духовное, но и вообще подавить его – как тернии губят хорошие семена. Демонизированность таких людей латентна и,

к сожалению, глубока. Они убеждены, что живут достойно и правильно, что добры и честны, что вполне успешны, и не замечают своей «инвалидности» – до определённого критического момента.

Для людей-дорог, людей-камней и людей-терний, как в песне поётся, «нет преград на суше и на море». Они, чаще всего, обладают действительными конкретными знаниями и умениями, но при этом не знают лучшего. Как заметил М. Хайдеггер, такие люди «*суть* то, чем заняты» [10, с. 126]. Что такое платоновский «космос», они ещё способны понять («общение, дружба, порядочность, воздержность и высшая справедливость» (Горгий 507 е–508 а)), но христианский космос им не доступен. И они, не встречая особого препятствия, вполне могут поддаваться своим «чувствам» и «эмоциям», кои суть «блуд, похотение, сребролюбие, оглавление, гнев, завистование, тщеславие, гордость» [3, с. 433]. Их очень удивила бы (а то и рассмешила!) несовременная оценка: что они отвержены «во тьму кромешную, где пребывает диавол, одетый в одежду страстей» [3, с. 433].

Как говорит блаж. Феофилакт, «три части колеблющихся, а одна – спасающихся» [1, с. 66]. Колеблющиеся настоящему не ищут и не просят, хотя Бог «сеет». Как они могут получить самые важные тайны? Ведь в Евангелии сказано: «Ибо всякий *просящий* получает».

Не знающие себя

А если человек не ищет и не просит, то он среди так называемых «других»: «Самость присутствия других себя ещё не нашла, соответственно потеряла. Люди существуют способом не-

самостояния и несобственности» [10, с. 128]. Хотя «человек как никто во все не ничто» – он экзистенциален. Но «спит». И этот сон, согласно Платону, – губительный: «...Имя «ложь» (ψεύδος) выражает лежание спящих» (Кратил 421 b) [8, с. 658]. Иными словами – плохо мыслящих, но при этом спокойных и удовлетворённых; спящих – как бывший апостол Иуда Искариот, с удовольствием пересчитывающий тридцать сребреников и уверенный, что Христос-Бог всё равно сумеет Себя спасти (на то Он и Бог!).

Такие люди не сделали в своей жизни самого первоначального – не познали самих себя. Поэтому они не понимают Платона, у которого имеется понятие «софросины», то есть такого «самопознания, которое является познанием божественного в нас» [5, с. 18]. Не понимают Святых Отцов, например, св. Евагрия Монаха, писавшего: «Хочешь ли познать Бога? Познай прежде самого себя» [3, с. 601], св. Марка Подвижника, говорившего о синергии самопознания и Богопознания: «... А не знающий себя, как может познать Бога? Если он не мог познать своего безумия, в котором пребывает, то как возможет познать премудрость Божию, от которой он далёк и которой чужд?» [3, с. 515].

Зато он может быть не чужд своему «врождённому злу, величайшему из всех зол» (Платон. Законы V 731 de–732 a) – чрезмерному самолюбию. Это зло есть «в душах большинства людей» и оказывается, согласно Платону, «виновником всех проступков человека». «Ибо любящий слеп по отношению к любимому, так что плохо может судить, что справедливо, хорошо и прекрасно» [9, с. 183]. В хри-

стианстве такое самолюбие – один из главных источников зла и греха, ведущий к полному растлению человека. Иуда Искарот – не только «вор» (см. Евангелие), но и самолюбец: я сделаю для себя хорошо, предложу свои услуги первосвященникам и *заработаю* на этом. И Платон пишет об этом же – о «несметных бедах как для отдельных людей, так и для государств», связанных с самолюбием. Таким людям очень трудно руководиться «смиренномудрием» [3, с. 477], ограничивать себя и, тем более, самоуничижаться – ради чистоты и праведности.

Чистые и праведные

Каким же должен быть путь человека с точки зрения истины Священного Писания, то есть онтологической истины? В Писании Сам Господь не раз говорит об этом, напоминая первоначальный принцип: «Если Я – Господь, то вы во всем должны поступать как рабы» [1, с. 55]. Быть рабом Божиим – это, во-первых, означает быть *объективно* рабом Божиим, хочет того человек или не хочет. А, во-вторых, это означает *наилучший* выбор человека не по его плюралистической и чаще – «слепотствующей» воле, а по Словам Божиим, Бога милосердного и всемогущего, Бога-Человеколюбца. В Книге пророка Исайи сказано: «И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его – истина» (Ис. 11, 5).

И эта правда и истина – в десяти заповедях Моисея:

1. Необходимость *веры* в Бога-Отца Небесного, с исполнением Его заповедей, с произнесением Имени Господа напрасно и неверием ни в каких других богов.

2. Необходимость посвящения Богу седьмого дня недели (субботы, а у хри-

стиан – воскресения); необходимость почитания родителей.

3. Необходимость не совершать убийства, прелюбодеяния, кражи и лжесвидетельства.

4. Необходимость отсечь все свои нечистые желания *чужого* – чужих жилья, жены, вещей, «ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20, 17).

Христос в Нагорной проповеди дал *Новый Завет* жизни по Богу (причём всем людям), Завет чистоты и праведности. Эта праведность – более высокая, чем ветхозаветная: «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мат. 5, 20). Её основы таковы:

1. Необходимость быть «нищим духом», то есть в смирении, с Богом, а не, по преимуществу, с «маммоной» (земным богатством). Горе – богатым, пресыщенным, смеющимся здесь, на земле.

2. Необходимость быть «плачущим» о своих грехах и кротким (а не дерзким, непокорным и гордым).

3. Необходимость быть «жаждущим правды», даже изгнанным и пострадавшим за правду Иисуса Христа.

4. Необходимость быть милостивым и чистым сердцем (прощающим, не помнящим зла и не мстящим).

5. Необходимость быть «миротворцем» и исполняющим закон Священного Писания.

6. Необходимость быть не просто не убивающим, а не гневающимся, не оскорбляющим, скоро примиряющимся.

7. Необходимость быть не просто не прелюбодействующим, а не прелюбодействовать с женщиной даже во взгляде, в сердце своём. И разводиться

с женой только в случае «вины любодеяния» (Мат. 5, 32).

8. Необходимость быть не просто тем, кто, поклявшись, исполняет пред Богом клятву, а не клясться вовсе.

9. Необходимость не добиваться, по справедливости, возмездия («око за око»), а – не противиться злему; уступать другим; просящему и занимающему – давать (даже не надеясь на возврат).

10. Необходимость быть не просто любящим своих близких и ненавидящим врагов, а любить своих врагов, благословлять проклинающих вас, благотворить ненавидящим вас, молиться «за обижающих вас и гонящих вас» (Мат. 5, 44). Это – путь *подобия* «Отцу вашему Небесному».

11. Необходимость творить милостыню, поститься, немногословно молиться – причём, всё «втайне».

12. Необходимость с усердием собирать сокровища на небе, а не на земле; исполнять волю Божию. А земное «все приложится вам» (Мат. 6, 33).

13. Необходимость не судить, не осуждать, не мерить людей. Но при этом не давать «святыни псам» и беречься лжепророков.

14. Необходимость просить, искать (особенно – духовное) и стучать. И Бог «даст блага просящим у Него» (Мат. 7, 11).

15. Необходимость помнить, что «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мат. 7, 14).

Общая мысль такова: необходимо **быть истинно верующим, кротким и любящим, милостивым и правдивым**. Не случайно отмечен был Господом апостол Иоанн: «Иоанн был любим Господом более всех учеников

за его простоту, кротость, добродушие и чистоту сердца, или девство» [2, с. 267]. «Мир с человеками и мир от страстей в душе становится матерью... благодати» [2, с. 267-268].

А те, кто продолжает вопрошать, пусть подумают – *кого можно послушать? Великого философа? Или знаменитого учёного мужа? Или профессиональный научный коллектив? А может быть, в первую очередь – Бога? Ведь открыто было нам: «Ибо Он учил их, как власть имеющий (выделено нами. – В.К.), а не как книжники и фарисеи»* (Мат. 7, 29).

Однако, «живая» жизнь человека в этом мире несравненно сложнее и противоречивее. Слова Божьи – только теоретически обозначенный Путь, Правила и Принципы наших помышлений, слов и поступков. Реальная жизнь нелинейна, с элементами случайности и поворотов (новых обстоятельств, ударов, искушений, соблазнов и т. д.). Как же оставаться с Истиной? – *Нужно смотреть на Ней, возвращаться к Ней (покаявшись), молиться, искать и думать* (в конкретных ситуациях). Всё не объяснишь и всего не избежишь. Например, при выборе жены: «Никакая человеческая проницательность не в силах проникнуть в глубину сердца избираемой, и никакая человеческая предусмотрительность не предугадает всего будущего» [7, с. 18].

Но вот как можно размышлять (на примере св. Иоанна Златоуста) относительно брака и семьи. Муж и жена, согласно Писанию, – будут «одна плоть». Жена – «член наш». Венчальный брак не расторгается (за исключением «вины любодеяния»). Но вдруг – жена «тебя входящего встречает..., как зверь, изощряет язык свой, как меч.

Горестное обстоятельство, что помощница стала врагом!» [7, с. 20-21]. Как же быть тогда?

1. Такая жена – «заушение» грешному мужу, «горькое противоядие, которое иссушает худые соки грешника», возможно, обижавшего других женщин в молодости.

2. «Муж должен выносить это наказание с совершенным терпением» [7, с. 21], без жестокости и насилия, со снисходительностью и любовью.

3. **Необходимо (от супруга) «терпеливое вразумление»** жены, причём с «любовью и привязанностью», с положительными высказываниями о реальных её качествах. «Хотя бы и много погрешила против тебя жена» – «все ей прости».

4. Любовь мужа должна быть «так тверда, чтобы могла устоять против всех несчастий, огорчений и искушений». Как Христос пострадал за Церковь, так и муж, если нужно, должен *отдать за жену душу свою*; претерпеть «многократные потери», «что-нибудь тяжкое», и «не должен отказываться» [7, с. 19].

5. «Смело уверяй её в любви, и она ещё более полюбит тебя» [7, с. 25]. Оказывай ей уважение, почитай её.

6. **Не становись в позу равнодушия**, невнимания к её слабостям и недостаткам (иначе муж будет виновен пред собой, пред женой и «пред судом Божиим»), а кротко, ласково, угождая, обращайся с нею. И по чуть-чуть учи её, исправляй её недостатки. Как «терпеливый земледелец», обрабатывай своё поле.

7. Убеждай жену «во взаимной нужде» (мы нужны друг другу), в необходимости «исполнения своих обязанностей», в снисходительности к

недостаткам каждого. Супруги должны воздавать друг другу «должную любовь» и не уклоняться против воли мужа (или жены).

8. **«Жена бывает добра и попечительна о доме из любви и расположения к мужу; презиравшая мужа не радит о доме»** [7, с. 30]. Поэтому добивайся её любви и расположения.

9. Изложи «ей законы (Св. Писания – В.К.), и она будет повиноваться и по воле и по неволе» [7, с. 24]. «Не покоряется мужу» – «виновна» и оскорбляет Бога.

10. Воспитывай жену, «когда она ещё уважает мужа, ещё боится его, ещё удерживается стыдливостью» [7, с. 24].

11. Если же «после многих опытов» она остаётся неисцелимой, то получишь от Бога «великую награду» – за то, что «ради страха Божия переносишь столько неприятностей и терпишь недобрую жену, как свой член» [7, с. 22].

12. «Дом и семья для нас должны быть второй Церковью» [7, с. 43].

Таким образом, путь семейной жизни – это путь любви (даже «должной любви»), прощения и смиренного терпения.

Жизнь и вариативна, сложна, и инвариантна, проста в своей вечности. И можно ошибаться не только в сложностях, но и в простоте. Одна из главных «простых» истин – это истина Божья, истина стратегическая и направленная к наилучшему, земному и небесному. И можно быть даже «религиозно слепым», как В.В. Розанов (по замечанию Г.В. Флоровского), но прийти именно к этой истине: «...«Правда светлее солнца». И живи для неё: а люди пусть идут куда знают».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Благовестник, или Толкование Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, на Святое Евангелие: в 2-х частях. Часть 1. Евангелие от Луки. – М.: Скит, 1991. – 563 с.
2. Благовестник, или Толкование Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, на Святое Евангелие: в 2-х частях. Часть 2. Евангелие от Иоанна. – М.: Скит, 1993. – 561 с.
3. Добротолюбие. В 12 т. Т. 2. – М.: Русский Духовный Центр, 1993. – 304 с.
4. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май-октябрь. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. – 463 с.
5. Лосев А.Ф. Ранние диалоги Платона и сочинения платоновской школы // Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. – С. 4-26.
6. Мистическое богословие. – Киев: Издание Христианской благотворительно-просветительской ассоциации «Путь к истине», 1991. – 436 с.
7. О христианском браке и об обязанностях мужа и жены. Учение св. Иоанна Златоуста. – М.: Покров, 2010. – 56 с.
8. Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 675 с.
9. Платон. Собр. соч. в 4-х т. Т. 4. – М.: Мысль, 1993. – 690 с.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 647 с.

УДК 1(09)

Фурсова В.Э.*Московский государственный областной университет*

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ДУШЕВНО-ТЕЛЕСНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ XI – СЕРЕДИНЫ XIX ВВ.

Аннотация. Начиная с XI в. идея душевно-телесной целостности находила отражение в трудах средневековых книжников, основывавшихся на святоотеческих текстах, представлявших теоретически зрелую христианскую философско-богословскую традицию. Однако на почве национальной отечественной культуры эта традиция получила оригинальную трактовку и оформилась в оригинальные антропоцентрические и моралистические концепции. Положительное восприятие телесности, отношение к ней не как к библейскому символу, а как к реальности, посредством которой Абсолют обнаруживает для мира своё бытие, говорит о творческом восприятии русскими книжниками принципа символического реализма.

Ключевые слова: антропология, душевно-телесная целостность, всеединство, дуализм, душа, тело.

V. Fursova*Moscow State Regional University*

THE DEVELOPMENT OF THE IDEA OF SPIRITUAL AND PHYSICAL INTEGRITY IN RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE 11TH – MID 19TH CENTURIES

Abstract. Since the 11th century the idea of soul and bodily integrity had been reflected in the writings of medieval scribes based on patristic texts of theoretically mature Christian philosophical and theological tradition. However on the Russian soil this tradition received a peculiar interpretation and took a shape of original anthropocentric and moralistic conceptions. Positive understanding of corporeality, its treatment as a reality by which the Absolute reveals its existence to the world rather than a biblical symbol provide evidence that Russian scribes creatively perceived the principle of symbolic realism.

Key words: anthropology, spiritual and physical integrity, unity, duality, soul, body.

Как одна из фундаментальных идей русской религиозной антропологии идея душевно-телесной целостности проявлялась в рецепциях отечественных мыслителей святоотеческой философии, что позволяет говорить об общих корнях христианской хри-

стологии и учений о целостном человеке в отечественной религиозно-философской культуре. В отличие от гносеологических и онтологических построений, где у русских философов просматриваются значительные расхождения с христианским богословием, антропологические построения

© Фурсова В.Э., 2014.

демонстрируют гораздо большее единство с традиционным христианским мировоззрением, так как они опираются на антропологические теории святоотеческой (в особенности – исихастской) философии.

Основываясь на принципе душевно-телесной целостности как необходимого элемента христологии, отечественные мыслители делали вывод о том, что рассматриваемый принцип, «исходя из единства божественной и человеческой природы в личности Христа, сопрягает его с возможностью обожения человека через личность Христа. Именно это единство и осуществляемое посредством него обожение человеческой природы становится основой личного опыта богообщения, захватывающего человека в совокупности его души и тела, что выражается в принципе душевно-телесной целостности, возможности обожения как души, так и тела» [2, с. 17].

Ещё задолго до популяризации исихастских идей в отечественную философско-богословскую мысль идея целостности нашла отражение в трудах средневековых книжников, основывавшихся на святоотеческих текстах. Тяжёлые дискуссии ранней эпохи становления христианской догматики в своём неоднозначном восприятии античного философского наследия пришедшим ему на смену теоцентризмом не коснулись процесса формирования русской книжной культуры. Эта культура получила в качестве основы зрелую, теоретически утвердившуюся на первых Вселенских соборах христианскую богословскую традицию. Но и она с её базовыми методологическими идеями требовала серьёзного осмысления, и не только в философско-бого-

словском контексте, но и в контексте сложившихся национальных культурных особенностей.

Действительно, исходя из моралистической и антропоцентрической установок, отечественная средневековая философско-богословская мысль рассматривала идею душевно-телесной целостности в контексте обожения (т. е. преобразования не только души, но и тела) как основной цели жизни не только отдельного человека, но и всего человечества. Положительное восприятие телесности, отношение к ней не как к библейскому символу, а как к реальности, посредством которой Абсолют обнаруживает для мира своё бытие, говорит о творческом восприятии русскими книжниками принципа символического реализма. Они не отождествляли душу с природным миром, но и не растворяли, как это делали неоплатоники, в мире божественном, что позволяло мыслителям выстраивать гармоническую иерархию в системе духовно-материального единства. Здесь понятие «тело» звучало как противоположное не «душе», а, скорее, «духу», в то время как душа рассматривалась как нечто противоположное «плоти» [4, с. 102].

С точки зрения переводчиков античных текстов и составителей «Изборника» 1073 г., душа и плоть «комплектуют» тело, составляя одушевлённую плоть. Противопоставляя душу и плоть, переводчики сочинения Иоанна Златоуста «Поучения о мытаре и фарисее» утверждали, что в человеке «воюет присно плоть и душа» [5, с. 168-169], что реабилитировало телесность, поскольку все имеющиеся в человеке изъяны, пороки и несовершенства связывались не с телом, а с плотью. Таким образом, источником

зла объявлялось не само телесное, но испорченность плоти, вызванная грехопадением, а значит, и причиной греха и зла объявлялась не материя, а неверно направленная воля человека. Основываясь на этих рассуждениях, средневековые мыслители видели целью спасения для человека не столько освобождение души от плоти, как это было в античной платонической философии, сколько освобождение плоти от греховности и исправление её через «одуховление».

Идея целостности как одна из основных в христианской антропологии присутствовала во многих произведениях русского средневековья, каждый раз оригинально интерпретируясь. Если в «Изборнике» 1076 г. дилемма «плоть – душа» рассматривалась в рамках традиционной христологии, согласно которой личности Христа присущи две природы – божественная и человеческая, и это находит отражение в любой человеческой личности как единстве души и тела, которые, в свою очередь, различаются по свойствам и функциям, то автор «Диоптры» Филипп Пустынник склоняется к большей значимости души, которая вбирает в себя то, что обычно присуще понятию «Я». Человеческое тело отождествляется здесь с чем-то внешним, «не-Я» (скорее – «моё»), но даже здесь плоть трактуется как вместилище и единственное условие существования души. В разделе «Диоптры» «Диалог души и тела» ставится вопрос о том, кто является виновным в первом человеческом грехе – плоть или душа? На этот вопрос, заданный Душой, называемой в произведении «госпожой», «служанка» Плоть отвечает, что это сделала именно Душа, обремененная свободой. И

как итог этого грехопадения – лишение человеческого тела естественной богоподобной красоты и обретение Душой «мерзкого, гнусного и скверного» одеяния, существующего и поныне как видимое человеческое тело.

Очевидно, что мировая катастрофа, а именно – грехопадение, становится для средневековых книжников начальной точкой отсчёта как пространственно-временного, так и исторического измерения, что дало жизнь различным эсхатологическим учениям. Одно из них, разработанное Григорием Богословом, основанное на принципе целостности и, возможно, поэтому воспринятое русскими книжниками, трактовало конец мира не как его уничтожение, а как его обновление, осуществляемое через преобразование души и плоти.

В «Шестидневие» Афанасия Холмогорского, который почти дословно следовал мыслям Григория Нисского о том, что человек может сделаться причастником Абсолюта, имея богоподобную душу, обладающую умом, рассматривается идеальная модель личности, обладающей всеми совершенствами как образ и подобие Бога. У Афанасия эта мысль выражается следующим образом: «Сугубо естественно человека сотворяет Бог и от двоих тварей – от мысленного и чувственного, и от горнего и от дольного, во един некий состав..., единое существо, еже есть человек..., и глаголет Божественное Писание, как сотворил Бог человека видимого и невидимого, небесного и земного, вещественного и невещественного, посреди смерти и бессмертия, посреди ангелов и скота, посреди тля и нетления» [8, с. 184]. Следуя идеям Григория Нисского о предназначении человеческого су-

щества для жизни на земле и наделении его земным телом как существенном и необходимом действии божества, Афанасий в своём рассуждении о душевно-телесной целостности отводит душе роль служительницы и орудия, естественной и необходимой «ризы», дающей жизнь телу. Одновременно душа получала у него значительную автономию, способствующую существованию вне «телесного сосуда», не нуждаясь при этом в «телесном пособии». Тело же, однако, нуждается в своём бытии в плоти, которая может иметь не только добрые, но и злые устремления [8, с. 184].

У митрополита Иллариона в «Слове о законе и благодати» телесность получила более позитивную трактовку. В своих эсхатологических размышлениях он склонялся к оптимистической концепции обожения плоти («честной плоти»), которая была сформулирована каппадокийскими философами-богословами. А со времени усиления позиций антиохийской богословской школы, и особенно – идей Феодорита Кирского и Иоанна Златоуста, тело стало признаваться не только совершенным и прекрасным творением божества, но и онтологической основой человека. Возведение нравственного подвига исторического Христа во главу угла христологии заставило отечественных мыслителей признать индивидуальность человеческой природы, что внесло значительные коррективы в нравственное богословие и амартологию: грех трактовался уже не как вина прародителей и, соответственно, всего человечества, но как проявление воли каждой личности в отдельности.

У Феодорита Кирского ясно звучит мысль о хронологическом старшин-

стве тела, сотворённого, в отличие от бессмертной души, временным и смертным, с одной только целью – чтобы душа не возвеличивалась над ним, имея преимущество как по времени, так и по природе. В превращении человека из существа богоподобного в звероподобное винить нужно не тело, но страсти, и именно этот тезис приводит к нравственному обоснованию принципа целостности: если человек смыслом своей жизни видит уподобление Христу, то он обретает не только бессмертную душу, но и тело, что, таким образом, возвращает земной рай, утерянный прародителями.

Распространяющаяся на Руси аскетическая литература сделала необходимым определить границы телесного подвижничества, что вело к возрастанию интереса к вопросу о соотношении души и тела. Для отечественной средневековой культуры характерно литургическое понимание телесности как неизречённой божественной славы и красоты, и эта трактовка коренилась в ранней святоотеческой литературе: например, Августин Аврелий видел образ Божий в человеке и его сходство с божеством именно в человеческом теле. Далее, Серафим Саровский называл человеческую плоть «нашим другом», демонстрируя тем самым влюблённость в творение.

В сложившейся дихотомии «душа – тело» средневековые мыслители Руси, склоняясь то к главенству души, то к превосходству тела, всё же не нарушали их парадоксального единства. В процессе формирования идеи целостности обнаруживались её важнейшие функции – мировоззренческая и нравственная. Они нашли проявление в постановке вопросов о природной реаль-

ности и её границах, о возможностях её совершенствования, об отношении к этой реальности каждой личности, о сущности нравственного подвига в земной жизни. Однако, отечественные книжники не ограничивались лишь формулировкой вопросов, но каждый из них опытом всей своей жизни пытался доказать истинность своих теоретических поисков. Неразрывное единство теории и практики, характерное для отечественной средневековой богословско-философской мысли, уникальным образом воплощается в русском аскетизме. Идейно он связан не с презрением плоти и не с отвержением мира как такового, а с созерцанием небесной красоты и правды, делающей наиболее явной всю неправду мира. Тем самым аскетизм призывал к освобождению от пленённости миром и открывал пути к освящению и улучшению мира, но ни в коем случае не к его отвержению.

В XVIII в., который демонстрирует новое восприятие человека, новое отношение к жизни и к истории, получают развитие антропологические идеи, открывающие новое понимание принципа душевно-телесной целостности. Наиболее рельефно эти новые идеи проявились у Г.С. Сковороды, демонстрировавшего дуалистическое восприятие человека и природы.

С точки зрения Г.С. Сковороды, в человеке проявляются два «слоя» бытия – телесно-психический и духовный, являющийся «тайным источником» всех знаний. Двойственность бытия, идейно укоренённая в платонизме, синтезируется у Сковороды с христологической целостностью. Этот синтез, вбирая в себя элементы оккультизма, подвигает философа к трактовке телесности как «тени» и «маски»

того, что сокрыто в «духовном» сердце.

Оригинальный подход Г.С. Сковороды к пониманию антропологической целостности обнаруживается в его учении о сердце как центральном элементе в человеке: «все наши члены имеют в сердце свою сущность»; сердце есть «бездна, которая всё объёмлет и содержит», оно – «тайная пружина всей нашей телесной машины» [6, с. 94, 238]. Таким образом, сердце объявляется субстанциальной основой человека, что, в свою очередь, находит продолжение в учении Сковороды о морали: нравственное возрастание и есть борьба духовного, сердечного начала в человеке с его психофизическими и эмпирическими проявлениями, в которых мыслитель видел корень греховности.

Идея антропологического дуализма трансформируется у Сковороды в идею о необходимости его преодоления путём преображения всего эмпирического бытия, в том числе и плоти, которая сопротивляется духу. И здесь Сковорода уже твёрдо следует христологии, лишь внося в христианскую антропологию элемент свободы своих рассуждений.

Антропологический дуализм, трактуемый как различие «внутреннего» и «внешнего» человека (как, впрочем, и в святоотеческой антропологии), становится характерным и для философии славянофилов. Ярче всего дуализм идеи целостности проявился у И.В. Киреевского, который различал эмпирическую и глубинную сферу человеческого бытия. Будучи убеждённым, что «внутренний» человек отсечён от «внешнего» вовсе не из-за их онтологической разнородности, но из-за закрытости «внутреннего» человека грехом, И.В. Киреевский указывал

путь к утерянной целостности в «собириании» духовных сил.

Идея антропологической целостности представлена у Киреевского в традиционном для святоотеческой мысли динамическом ключе: в своей эмпирической природе человек в работе над собой должен подняться над этой природой и подчинить эмпирическую сферу своему глубинному «я» как внутреннему духовному центру. Это, в свою очередь, объясняет моральную позицию философа: нравственное здоровье является залогом здоровья всех других сторон в человеке и утрачивается там, где не осуществляется борьба за приращение душевных сил. На это приращение должно быть направлено не только желание, но и воля самого человека, который стремится к обожению.

В то же время славянофилы, основываясь на центральной для них идее соборности и рассматривая человека в рамках церковного целого, так и не смогли создать на основе идеи целостности законченного антропологического учения. Далее традиция рассмотрения антропологических идей, но уже как вторичных и производных от фундаментального принципа всеединства, была продолжена Вл. Соловьёвым.

Я.В. Бондарева отмечает: «Русская религиозная философия, изначально устремлённая к поиску оснований целостного и органичного мировоззрения, к созданию синтетичной формы философствования, свободной от всевозможных противоречий, не могла оставить без внимания христианские синтезы, восстанавливающие расколотое творение в иерархической последовательности: от физиологии и познания – до онтологического соединения тварного и божественного. Не-

случайной, в связи с этим, оказалась ориентация русской философии, начиная со славянофилов и Вл. Соловьёва, на методологическую традицию всеединства как попытку такого синтеза, где «всё в Боге» и «всё имманентно всему» [3, с. 6].

В работе «Чтения о Богочеловечестве» зависимость идеи душевно-телесной целостности от учения о всеединстве проявилась наиболее рельефно. Вл. Соловьёв пишет: «В человеке мировая душа впервые внутренне соединяется с божественным Логосом в сознании – как чистой форме всеединства» [7, с. 205]. Но ещё задолго до возникновения христианства, продолжает мыслитель, люди получают свою человечность, природность, образуя единосущное человечество ещё до начала боговоплощения. Таким образом, церковь как воплощение богочеловечества существует до Христа и вне его, что можно определить как «онтологическую христоцентричность».

Вл. Соловьёв, в отличие от И.В. Киреевского, редко употреблял понятие «целостность» и, тем не менее, как и Киреевский, говорил об одухотворении человека как процессе динамическом, принимая за точку отсчёта грехопадение, как в христианской амартологии. В результате философ создал историософское учение, согласно которому исторический процесс представляет собой результат поступательного одухотворения человека посредством внутреннего усвоения и развития божественного начала. «Методология всеединства, взятая за основу Вл. Соловьёвым, явилась своеобразным откликом на призыв И. Киреевского развивать самобытное православное мышление, преодо-

левающее спекулятивный характер западной «отвлечённой» философии, неполноту и односторонность христианского платонизма» [1, с. 17].

Однако, несмотря на отсутствие понятийной определённости, идея антропологической целостности находит у Вл. Соловьёва достаточно оригинальное раскрытие через идею андрогинности, получившую развитие в дальнейшем у Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева.

В своей статье «О смысле любви» Соловьёв пытается найти принцип, на основе которого может осуществляться соединение «духовно-телесных токов», одухотворение материальной реальности. Таким принципом у философа становится любовь, которая имеет задачу внутренне соединять мужское и женское начала – соединять и при этом не уничтожать телесность, но, напротив, способствовать восстановлению цельного человека. В данном случае «целостность» понимается мыслителем как восстановление образа Божьего в человеке, а любовь становится той силой, которая подвигает мир к торжеству всеединства.

Словом, душевно-телесная целостность в философии Вл. Соловьёва представляет собой не что иное, как проявление всеединства, а испытываемое чувство к любимому человеку – «индивидуализацию всеединства». Очевидно, что на идейной основе всеединства мыслителю было сложно выстраивать стройную антропологическую концепцию, так как в рамках всеединства сама возможность существования независимой личности оказывалась весьма сомнительной. Недоработку идеи душевно-телесной целостности в философии Вл. Соловьёва пытались компенсировать С.Л. Франк, Н.О. Лос-

ский, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев и др.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бондарева Я.В. Методологические традиции всеединства и православного энергетизма в поисках онтологической целостности // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – №3. – 2011. – С. 16–21.
2. Бондарева Я.В. Онтологический аспект принципов соборности и церковности, или: К вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». – №1. – 2010. – С. 14–18.
3. Бондарева Я.В. Развитие принципа синергии в учениях о преобразовании человеческого бытия (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». – №2. – 2013. – С. 5–10.
4. Изборник Святослава 1073 года: Сб. статей / Научный совет по истории мировой культуры АН СССР; отв. ред. Б.А. Рыбаков; ред. Л.П. Жуковская. – М.: Наука, 1977. – 313 с.
5. Поучение о мытаре и фарисее // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1 / Издание журнала «Странник»; под ред. А.И. Пономарева. – СПб.: Типография С. Дрободеева, 1894. – С. 27–50.
6. Сковорода Г.С. Сочинения. – М.: Современный литератор, 1999. – 704 с.
7. Соловьёв В.С. Чтения о Богочеловечестве / сост. и примеч. А.Б. Муратова. – СПб.: Художественная литература, 1994. – 528 с.
8. Шестиднев Афанасия Холмогорского // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы) / под ред. Н.Н. Покровского. – Новосибирск: Наука, 1989. – 368 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 212.155.08 ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ В 2013 ГОДУ

Осенью 2013 года докторский диссертационный совет Д 212.155.08 по философским наукам (специальности 09.00.11 и 09.00.03) при МГОУ отметил своё 20-летие, будучи открытым в 1993 году. В феврале 2008 года он успешно прошёл переаккредитацию и продолжил работу по аттестации научно-педагогических кадров (Приказ ВАК РФ №1-130 от 25.01.2008 г.). Совет возглавляет доктор философских наук профессор Кокорин Александр Алексеевич.

В 2013 году в совете было успешно защищено 18 кандидатских и 2 докторских диссертации:

- Блиновой Светланы Анатольевны («Проблема семьи в русской религиозной философии второй половины XIX – первой половины XX веков: историко-философский анализ»). Диссертация выполнена на кафедре философии Московского государственного областного университета. Научный руководитель – доктор философских наук, зав. кафедрой философии МГОУ, профессор В.О. Песоцкий. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Чернавин Ю.А., доктор философских наук профессор Аригин Е.И. Ведущая организация – Военный университет Министерства обороны Российской Федерации;

- Бузук Наталии Геннадьевны («Эволюция философско-правовых

воззрений Н.Н. Алексеева: историко-философский анализ»). Диссертация выполнена на кафедре истории и философии образования и науки Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Семаева И.И. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Демина Л.А., кандидат философских наук доцент Руднева О.С. Ведущая организация – Российская открытая академия транспорта Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ);

- Гуляевой Ирины Геннадьевны («Онтология света и её рецепция в отечественной философской мысли (Е.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский)»). Диссертация выполнена на кафедре истории и философии образования и науки Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Семаева И.И. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Деникин А.В., кандидат философских наук доцент Бажанова И.М. Ведущая организация – Академия переподготовки искусства, культуры и туризма;

- Диденко Карины Валерьевны («Философия образования в России: историко-философский анализ»). Диссертация выполнена на кафедре философии Московского государственного областного университета. Научный руководитель – доктор философских наук, зав. кафедрой философии МГОУ, профессор Песоцкий В.О. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Пржиленский В.И., кандидат философских наук доцент Шевченко О.В. Ведущая организация – Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования;

- Петуховой Ирины Александровны («Проблемы истории философии в трудах А.А. Козлова»). Диссертация выполнена на кафедре истории и философии образования и науки Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Семаева И.И. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Джагарова Г.М., кандидат философских наук доцент Федоренко А.А. Ведущая организация – Тверской государственный университет;

- Гуляева Павла Степановича («Социально-философские воззрения Ф.А. Степуна: историко-философский анализ»). Диссертация выполнена на кафедре истории и философии образования и науки Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Семаева И.И. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор

Губман Б.Л., доктор философских наук профессор Деникин А.В. Ведущая организация – Военно-технический университет Министерства обороны РФ.

14 из них – по специальности 09.00.11 – социальная философия (12 кандидатских и 2 – завершают список – докторские):

- Антюшина Светослава Сергеевича («Технико-технологическая безопасность современной России (Социально-философский анализ»)). Диссертация выполнена на кафедре философии Московского государственного машиностроительного университета (МАМИ). Научный руководитель – доктор философских наук профессор Михалкин Н.В. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Беркут В.П., кандидат философских наук профессор Лютый В.П. Ведущая организация – Военная академия ракетных войск им. Петра Великого;

- Ануфриевой Карины Викторовны («Рефлексивная самоидентичность личности в современном глобальном сообществе»). Диссертация выполнена на кафедре философии Тверского государственного университета. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Губман Б.Л. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Бузук Г.Л., доктор философских наук профессор Гуревич П.С. Ведущая организация – Тверской государственный технический университет;

- Билаловой Альбины Гаязовны («Социальное прогнозирование – системная основа человеческой деятельности»). Диссертация выполнена на кафедре философии Набережночелнинского института (филиала) Казан-

ского (Приволжского) федерального университета. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Хайруллин Аскар Гафиятулович. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Дёмина Л.А., кандидат философских наук доцент Жукова Е.Н. Ведущая организация – Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов;

- Лимановой Ольги Владимировны («Проблема самоидентификации личности государственного гражданского служащего (социально-философский анализ)'). Диссертация выполнена на кафедре философии Московского городского университета управления Правительства Москвы. Научный руководитель – кандидат философских наук профессор Шинелин В.Н. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Митрошенков О.А., доктор философских наук доцент Скалепов А.Н. Ведущая организация – Российский государственный социальный университет;

- Лобановой Екатерины Ивановны («Абсурдизм как общественное явление современности: социально-философский анализ»). Диссертация выполнена на кафедре философии Московского государственного университета путей сообщения (МГУПС (МИИТ)). Научный руководитель – кандидат философских наук профессор Мокроусов С.М. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Беркут В.П., кандидат философских наук Микрюков В.О. Ведущая организация – Военный университет Министерства обороны РФ;

- Масловой Марии Валерьевны («Гуманитарная безопасность совре-

менного российского общества: содержание, риски, направления развития»). Диссертация выполнена на кафедре философии Московского государственного университета путей сообщения (МГУПС (МИИТ)). Научный руководитель – кандидат философских наук профессор Курочко М.М. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Бузук Г.Л., доктор философских наук доцент Кафтан В.В. Ведущая организация – Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;

- Михайленко Степана Борисовича («Теоретические основы социально-культурных практик французского ситуационизма: философский анализ»). Диссертация выполнена на кафедре философии Московского государственного областного университета. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Кравченко В.В. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Меликов И.М., кандидат философских наук доцент Шинелин В.Н. Ведущая организация – Российская академия правосудия;

- Пронина Алексея Сергеевича («Философско-методологические парадигмы периодизации истории»). Диссертация выполнена на кафедре философии Московской государственной академии делового администрирования. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Ильин В.В. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Нехамкин В.А., кандидат философских наук доцент Мамедов А.А. Ведущая организация – Российский новый университет;

- Скандакова Ивана Петровича («Качество жизни офицера современ-

ной российской армии (социально-философский анализ)»). Диссертация выполнена на кафедре философии Военно-технического университета Министерства обороны РФ. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Беркут В.П. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Беляков Б.Л., доктор философских наук профессор Климов С.Н. Ведущая организация – Военный университет Министерства обороны РФ;

- Хафиятуллиной Эльмиры Рафаильевны («Методологический дискурс в теории этноса (социально-философский анализ)»). Диссертация выполнена на кафедре философии Самарского государственного архитектурно-строительного университета. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Стоцкая Т.Г. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Ильин В.В., доктор философских наук доцент Бодров А.А. Ведущая организация – Самарский государственный экономический университет;

- Чалова Ильи Витальевича («Богатство и бедность как социальные феномены в период глобализации»). Диссертация выполнена на кафедре философии Тверского государственного университета. Научный руководитель – доктор философских наук профессор Губман Б.Л. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Бузук Г.Л., доктор философских наук профессор Яблокова Н.И. Ведущая организация – Тверской государственный технический университет;

- Черновой Анны Викторовны («Проблемы формирования инно-

вационной культуры современного российского общества на примере московского мегаполиса (социально-философский анализ)»). Диссертация выполнена на кафедре философии Московского государственного областного университета. Научный руководитель – доктор философских наук, зав. кафедрой философии МГОУ, профессор Песоцкий В.О. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Михалкин Н.В., кандидат философских наук доцент Ососков Г.В. Ведущая организация – Военный университет Министерства обороны Российской Федерации;

- Кафырина Евгения Александровича («Взаимосвязь национального и общечеловеческого как социально-философское основание нового гуманизма»). Диссертация выполнена на кафедре философии Московского государственного машиностроительного университета. Официальные оппоненты – доктор философских наук профессор Горбунов В.С., доктор философских наук профессор Кувакин В.А., доктор философских наук профессор Бабочкин П.И. Ведущая организация – Военный университет Министерства обороны Российской Федерации;

- Бакурадзе Андрея Бондовича («Аксиологические основания управления социальной организацией: социально-философский анализ»). Диссертация выполнена на кафедре истории и философии образования и науки. Научный консультант – доктор философских наук, зав. кафедрой истории и философии образования и науки Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования Бондарева Я.В. Официальные оппо-

ненты – доктор философских наук доцент Антюшин С.С., доктор философских наук профессор Горбунов В.С., доктор философских наук профессор Ильин В.В.

В 2014 году планируется защита докторской диссертации доцента кафедры философии МГОУ Уда-

цова В.Г., а также кандидатских диссертаций аспирантов и соискателей кафедры философии Московского городского университета управления Правительства Москвы Кондратенко Г.Г., Гончаренко Л.В. и Петрова А.В.

Бондарева Я.В.

УДК 17, 090005

Коробов А.Ю.*Воронежский государственный университет***ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ¹**

Аннотация. В статье язык философии получает характеристику как особая разновидность русского научного языка. Рассматривается вопрос о связи языка философии и философией языка. Утверждается, что философия языка занимается языком народа, но не языком философии, поэтому для рассмотрения собственно философского языка и его типов необходима отдельная дисциплина. Такой дисциплины, однако, на сегодняшний момент не существует и не может существовать, поскольку язык философии и есть сама философия. Выявляется различие между разными типами философских языков, которые зависят от типа самой философии, поскольку язык философии соответствует предмету философии. Делается вывод, что русской философии более свойственен философский язык, тяготеющий к художественности. Русская философия тяготеет к литературе, из которой она рождается. В этом смысле очень важен вопрос о переводе с художественного языка на философский. В результате этого перевода рождается особый язык русской философии.

Ключевые слова: русская религиозная философия, русский философский язык, художественный текст, перевод, Бахтин, Достоевский.

A. Korobov*Voronezh State University***PHILOSOPHY OF LANGUAGE AND LANGUAGE OF PHILOSOPHY**

Abstract. The article characterizes the Russian philosophical language as a special type of the language of science. The issue of the relationship between language of philosophy and the philosophy of language is considered. The author argues that the philosophy of language deals with the national language, but not metalanguage of philosophy, thus a special discipline is required to research the philosophical language and its types. However at present such discipline does not exist and is not possible, as the language of philosophy is philosophy itself. Different types of philosophical languages are identified, depending on the type of philosophy, because the language of philosophy corresponds to the subject of philosophy. It is concluded that Russian philosophy is more inclined to artistic philosophical language as Russian philosophy tends to literature from which it is born. In this respect a very important question arises about the translation from the literary language to the philosophical one emerging as a result of this translation.

Key words: Russian religious philosophy, the language of Russian philosophy, literary texts, translation, Bakhtin, Dostoevsky.

¹ Материал отражает точку зрения автора и публикуется в порядке научной дискуссии
© Коробов А.Ю., 2014.

Язык несёт в себе мудрость¹. Но эта мудрость языка не есть философия. Вот почему философия языка не занимается языком философии, так как язык философии выражает философию, а не мудрость языка, которую отражает язык. Чтобы исследовать язык философии, по сути нужна соответственно философия языка философии. Но такого подраздела нет и никогда не существовало в философии, более того – такой раздел даже и не нужен, и это знаменательно. Конечно, философия не может вообще не обращать внимания и не считаться с мудростью языка, с тем, что несёт в себе язык сам по себе, ибо она не может не обращать внимания и не считаться с языком, который есть для неё почва. Почва – да, *но зерно философии*, само это философское зерно, прорастающее в родной почве языка, – откуда оно? Разве из почвы оно? Кто его уронил, забросил к нам? И не забрасывается ли оно в мир вместе с человеком, вслед ему или даже чуть раньше его, так что затем само находит его в мире?..

«Глубоко рой там, где пришлось тебе стоять, ведь в недрах клад!», – писал Ницше. Это философское зерно есть иное для почвы (клад и есть иное, ибо его зарывают), и хотя оно усваивает все соли и минералы почвы, в которую оно упало, хотя оно возвращается в этой почве, тем не менее, вырастает из этого зерна цветок, совсем не свойственный этим местам, и стремится он

вверх, к небу, туда, откуда он упал. Он стремится преодолеть почву, пусть и родную, но тем не менее здешнюю, тянущую его вниз, к себе и к своей мудрости. Точно так же и философский язык, хотя и усваивает в совершенстве язык почвы, родной национальный язык, всё равно борется с этим родным языком, стремясь вырваться из него, из родного – к вселенскому. Этот язык, как пишет Вл. Варава, «язык, исходящий из корней Бытия, написанных кровью, светом и болью; язык, добытый подвигом хождения по родной земле, по отчему краю, по корневым структурам сущего, по тому месту, где произошло чудо явленности каждого в мир» [2, с. 36], – этот самый язык несёт в себе нечто, что хочет вернуться к корням Бытия. Несёт в себе нечто или сам является этим нечто? Если философия никогда не говорит своим собственным чистым языком, то не значит ли это, что язык философии есть сама философия? Именно так утверждал Мартин Хайдеггер, который прозрел уникальную диалектику Бытия как почвы и как неба – как почвы, из которой исходит язык, как неба, к которому язык стремится после своего исхода. Так же, как и человек! (Человек не есть ли язык?)

Смотря на философский язык сугубо эмпирически, мы теряем эту диалектику и впадаем в пессимизм по поводу возможности национального философского языка и национальной философии и – как следствие – по поводу философии вообще. Как пример такого пессимизма можно привести мысли профессора А.Г. Дутина. Когда он в своей книге о возможности русской философии задаёт вопрос: «Если философия связана со структу-

¹ В.В. Библихин писал, что ум языка прям и неведом нам по существу, «в нём мудрость самой земли, которой глупость не противоположна. Надо заглянуть туда – странно сказать куда: в то, что мы сами говорим каждый день. Могло ли такое случиться, что суть говоримого нами проходит мимо нас, что язык без нас несёт что-то своё?» [1, с. 66].

рой языка, то почему такой большой и культурно самобытный сегмент индоевропейцев, как славяне, способные построить, защитить и увеличить мощные независимые державы, не выработали чего-то даже отдалённо похожего на философию других индоевропейских обществ, находившихся под их влиянием?» [5, с. 38], – то он игнорирует как раз эту диалектику между почвой и небом, между почвой и зерном, между почвой языка и его почвенной мудростью – и тем философским зерном, которое, прорастая в этой почве, деформирует её и преобразует. Философия связана со структурой языка, но эта связь очень не проста. Она есть – это наверняка. Но что первично? Или, иначе, кто кого выбирает – язык философию или философия язык? Нужен ли этот вопрос вообще? Ведь если мы констатируем факт беспочвенности философии как таковой или вброшенности её в мир вместе с человеком, то нам совершенно без разницы, в какой почве философия возрастает и с каким языком имеет дело, ибо внутри любого национального языка философия будет стремиться вырваться – выразить универсальную Истину.

Интерес представляет мысль другого современного отечественного философа Фёдора Гиренка. Поскольку для Гиренка язык – не дом бытия, а только проходной двор, постольку мысль для него не зависит от языка. «Мысль подчинена логике. Язык подчинён грамматике. Из грамматики языка, как из скорлупы, нужно учиться извлекать мысль, если она в нём есть. Мысль не зависит от языка. Если бы она зависела от него, то тогда с изменением языка менялась бы и мысль. Но языком изменённая мысль перестаёт быть мыс-

лью, ибо она теряет тождество с бытием, приобретая тождество с языком. Слова и язык не играют никакой роли в механизме мышления <...> Бытие – не в грамматике языка, а в мысли» [3, с. 13]. Гиренок утверждает, что язык – «всего лишь репрезентация в слове того, что уже было сделано умозрением в красках во времена первобытного шизофреника» [3, с. 95], потому язык – вовсе не дом бытия, и, лишаясь поддержки языка, мы ничего не теряем, «ибо нас поддерживает выходящее за его пределы означающее себя означаемое» [3, с. 144]. «Язык – это, конечно, не дом бытия, а проходной двор, прибежище для ничто» [3, с. 271]. Бытие сталкивается с этим *ничто* в языке, а результат этого – отделение познания от познаваемого, сознания от сознаваемого, разрыв между человеком и тем, что он сознаёт. Сознание становится предметным, и хотя Гиренок подробно не раскрывает эту свою мысль, она весьма напоминает объективацию Бердяева. Надо полагать, что такой раскол в сознании не устраивает философа, поэтому он пишет: «Для того чтобы понять сознание, нужно срезать его языковой нарост. <...> Сознание без «о» становится неозначенным и беспредметным» [3, с. 334]. Однако в итоге Гиренок приходит к выводу, который не подтверждает его предыдущие рассуждения о языке, не несущем, согласно им, в себе ничего, но, наоборот, ставит лишь вопрос. Каждое слово, пишет философ, это жук в коробке. «А поскольку никому нельзя посмотреть на жука, постольку все думают, что жук – это то, что у него в коробке, и с этой мыслью вступают в социальную коммуникацию. Но то, что находится в коробке, вообще не при-

надлежит языку» [3, с. 335]. Почему не принадлежит? Ежели мы не знаем, что на самом деле находится в коробке, значит, для нас остаётся тайной также и происхождение того, что в ней находится. Однако Гиренок на протяжении всей книги рассуждал как раз о том, что язык выражает такие вещи, которые открываются уже доязыковым сознанием, поэтому здесь очевидно противоречие, о котором автор говорит в последних сроках своей книги: «Начиная писать эту книгу, мне казалось, что я понимаю кое-какие вещи. Заканчивая работу над ней, я понимаю, что оказался в сумеречном лесу, выбраться из которого нет никакой возможности» [3, с. 335]. Действительно ли нет никакой возможности выбраться из этого сумеречного леса? И надо ли выбираться? Философия не есть ли такой бесконечный сумеречный лес, из которого философу нет никакой возможности выбраться, но из которого он и не стал бы выбираться, предстань пред ним такая возможность?

Итак, у нас есть философский лес, по которому бродит философ. Объективно этот лес растёт, и за годы странствий картографию его приходится переделывать. Гиренок настаивает на том, что эта картография должна быть дословна, т. е. вообще не должна быть составлена, но всегда должна оставаться составляющей¹. Такая картография – философская система, которая никогда не будет завершена

¹ Ф.И. Гиренок в своей книге «Пато-логия русского ума. Картография дословности» [4, с. 17-18] как раз рисует столкновение слова и дословности, которое сильно в русской философии. Русский философ стремится к дословности, этим объясняется тяготение русских философов к несистемному типу философствования.

как система, но будет раз за разом начинаться и заново проговариваться в каждом философском акте. Иными словами, выбраться из леса, в который нас завёл Гиренок, нет необходимости, поскольку нахождение в нём предполагает сама его философия языка и сознания.

Однако есть ли возможность выбраться из леса? Да, и именно такую возможность обнаружила философия языка. Чем занимается философ языка в нашем философском лесу? Изучением почвы. Изучением того, что зарыто в той почве, на которой растёт лес. Так называемый лингвистический поворот в режиме этой метафоры представляет собой отказ от геологических исследовательских работ по обнаружению почвенной мудрости языка и стремление выйти поскорее из леса, дабы изучать структуру и свойства почвы, свободной от философской растительности, сидя в аккуратной и хорошо освещённой филологической лаборатории. Но такие исследователи неизбежно теряют философию и уходят в лингвистику. Они раскапывают и перекапывают язык, вместо того чтобы самим вкапываться в него. Библихин писал, то язык задевает нас больше, чем мы думаем, и что «принять от него обиду, когда он нас разоблачает, большая удача» [1, с. 196]. Что значит принять обиду от языка? Не значит ли это столкновение мудрости языка с философской мыслью? И как тогда может претерпеть обиду от языка лингвистический философ, который разбирает язык как структуру, как грамматику? Как тогда язык может разоблачить его, ежели такой философ не сталкивается напрямую с тем, чем нас может задеть язык?

Так, например, одна из самых значительных проблем в философии языка – это проблема переводимости с одного языка на другой, и здесь мы всегда сталкиваемся с дилеммой. Во-первых, при переводе с одного языка на другой, например, с немецкого на русский, мы всегда сталкиваемся с непереводаемыми оттенками смыслов, с концептами, свойственными этим языкам, одним словом – с различием языковых мудростей: немецкий язык мудр иначе, чем русский. Во-вторых, при переводе с одного языка на другой, например, с художественного языка на научный, мы сталкиваемся с непереводаемостью мысли, которая слита со своею формой. Эту проблему очень метко подметил Хайдеггер, когда, разбирая подробно философию Ницше, предостерегал извлекать из Заратустры некую «теорию»: «легко можно решить, что перед нами философская мысль, выраженная поэтически, однако в ракурсе расхожих представлений нельзя решить, где здесь поэзия, а где собственно мысль, потому что это заново определяется самим произведением или же только возвещается» [6, с. 250]. Та же проблема становится ещё более очевидной на примере

«духовного брата» Ницше – на примере Достоевского, которого переводят на язык науки, на философский язык: определить, где здесь мысль, а где художественное оформление, ещё труднее. Но главное, что в зазоре этой проблемы мы всегда сталкиваемся с самим языком и с его мудростью, которая может нас задеть. Но задает ли она нас?

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биbihин В.В. Слово и событие. Писатель и литература / Отв. ред и сост. О.Е. Лебедева. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. – 416 с.
2. Варава В.В. Живущих и ушедших встретить. О творчестве и отчем крае писателя Виктора Будакова: монография. – Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2007. – 126 с.
3. Гиренок Ф. Аутография языка и сознания. – М.: Летний сад, 2012. – 336 с.
4. Гиренок Ф. Пато-логия русского ума. Картография дословности. – М.: Аграф, 1998. – 416 с.
5. Дугин А.Г. Мартин Хайдеггер: Возможность русской философии. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2011. – 512 с.
6. Хайдеггер Мартин. Ницше. Том 1 / Пер. с немецкого А.П. Шурбелева. – СПб.: ВЛАДИМИР ДАЛЬ, 2006. – 608 с.

НАШИ АВТОРЫ

Бондарева Яна Васильевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: bondareva.iana@yandex.ru.

Киселев Виктор Ильич – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики и социального управления Кузбасской государственной педагогической академии; e-mail: ilichsteel@mail.ru.

Кондратенко Геннадий Геннадьевич – аспирант кафедры социальной философии и трудового права Московского городского университета управления Правительства Москвы; e-mail: corolla1965@pochta.ru.

Коробов-Латынцев Андрей Юрьевич – аспирант кафедры культурологии Воронежского государственного университета; e-mail: andrey0889@mail.ru.

Курабцев Василий Леонидович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: kurabtsev@mail.ru.

Лутфуллин Динарис Фанисович – соискатель кафедры социологии Московского государственного гуманитарно-экономического института, заместитель начальника отдела Федерального агентства по управлению государственным имуществом; e-mail: Lutfullin_D_F@rosim.ru.

Петров Александр Валерьевич – аспирант кафедры социальной философии и трудового права Московского городского университета управления Правительства Москвы; e-mail: chundza2534@yandex.ru.

Удальцов Валерий Георгиевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: vdovin2007@yandex.ru.

Фурсова Вероника Эмильевна – соискатель учёной степени кандидата философских наук кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: veronikakrap@rambler.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодняшний день выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

2014. N 1

Над номером работали:

менеджер Отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» Н.М. Якушкина
литературный редактор Е.О. Духовнова
переводчик Е.А. Кытманова
корректор А.С. Барминова
компьютерная верстка Д.А. Зверева

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 270 экз. Уч.-изд. л. 5, усл. п.л. 5,25.

Подписано в печать 24.02.2014. Заказ № 15.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а